

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ДЛЯ XXI ВЕКА**

V международная научная конференция
Москва, 13–15 ноября 2008 г.

Доклады и материалы

Секция 6

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Выпуск 1

Издательство Московского гуманитарного университета

2008

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 08-06-14071Г)

В93 Высшее образование для XXI века: V международная научная конференция. Москва, 13–15 ноября 2008 г. : Доклады и материалы. Секция 6. Высшее образование и мировая культура. Выпуск 1 / отв. ред. Вл. А. Луков, Н. В. Захаров. — М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. — 100 с.

В выпуске публикуются материалы докладов, представленные участниками V международной научной конференции «Высшее образование для XXI века».

Ответственные редакторы:
заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Вл. А. Луков,
доктор философии (PhD),
кандидат филологических наук
Н. В. Захаров

© Авторы докладов, 2008.
© МосГУ, 2008.

I. ОСНОВНОЙ ДОКЛАД

Вл. А. Луков, Н. В. Захаров, Б. Н. Гайдин

Вl. A. Lukov, N. V. Zakharov, B. N. Gaydin

НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ*

THE NEW INFORMATION TECHNOLOGIES AND PHILOLOGICAL SCIENCES: THE COMPLEX APPROACH TO THE HIGHER EDUCATION

Основанный на опыте интеграции новых информационных технологий и филологических наук, доклад представляет комплексный подход к современному состоянию высшего образования в России. В качестве примера данного подхода представлены два уже реализуемых интернет-проекта Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета: «Информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир»» и «Мир Шекспира: Электронная энциклопедия».

Ключевые слова: новые информационные технологии, филологические науки, комплексный подход, высшее образование, информационно-исследовательская база данных, электронная энциклопедия, «Русский Шекспир», «Мир Шекспира».

Based on the experience of integration the new information technologies into philological sciences the article presents a complex approach to the modern state of higher education in Russia. As the examples two Internet projects of the Institute of Fundamental and Applied Studies of Moscow University for the Humanities are chosen: “The Information and Research Database «Russian Shakespeare»” and “The World of Shakespeare: an Electronic Encyclopedia”.

Keywords: The new information technologies, philological sciences, the complex approach, higher education, information and research database, electronic encyclopedia, «Russian Shakespeare», «The World of Shakespeare».

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, грант № 08-04-12128 в).

Данный доклад является продолжением исследования представленного в докладе Института гуманитарных исследований МосГУ на IV Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века» (2007).

Сегодня комплексное изучение проблем вузовского образования не может происходить в отрыве от новых информационных технологий, которые охватили почти все сферы деятельности современного человека. Информационные сети и технологии упростили работу, сделали доступными огромные объемы информации, но они же превратили многих из нас в зависимых от сетей пользователей. С самого начала развитие новых информационных технологий шло по пути интеграции разных научных дисциплин. В рамках данной статьи мы ограничимся анализом междисциплинарных аспектов в современных филологических исследованиях на примере создания информационно-аналитических баз данных.

В XXI веке проекты по созданию информационных систем и технологий являются одним из приоритетных и наиболее перспективных направлений в развитии гуманитарного знания и филологических дисциплин в частности. Это наглядно видно из количества поддержанных проектов по созданию информационных баз данных Российским гуманитарным научным фондом, который за первые десять лет своего существования поддержал 593 проектов¹.

Перечислим некоторые наиболее интересные филологические информационные проекты по созданию электронных словарей различного типа, научно-справочных и исследовательских баз данных, электронных научных изданий: «Информационно-поисковая система “Русский лексикон” с элементами лексико-семантического и грамматического анализа (на базе электронной версии “Русского семантического словаря)”» (Н. Ю. Шведова; <http://lexrus.donpac.ru>), «Лексикографическая система Большого русско-украинского словаря» (В. М. Живов; <http://ulif.org.ua>), «Языки России: Социолингвистический портрет» (В.-О. Ю. Михальченко), «Подготовка и публикация конкордансов произведений В. И. Даля в сети Интернет» (Л. В. Щеголева), базы данных «Полесский архив» (С. М. Толстая) и «Восточнославянские мифологические персонажи» (Е. Е. Левкиевская), электронные научные издания различных разделов Фундаментальной электронной библиотеки (ФЭБ) «Пушкин», «Лермонтов», «Толстой», «Русская литература и фольклор»

¹ Захаров В. Н. Филология в информационных проектах РГНФ // http://www.imli.ru/conferences_2005/info_filolg/zaharov_vn.html.

(<http://feb-web.ru/>), электронные «Конкордансы всех произведений Ф. М. Достоевского» (проект В. Н. Захарова; www.karelia.ru/~Dostoevsky/main.htm), электронное издание полного собрания сочинений И. С. Шмелева (проект Н. И. Соболева; www.philolog.ru), оригинальные методики анализа фольклора (проекты Ю. И. Смирнова «Создание компьютерной базы данных «Былинные репертуары» и «Электронный корпус былин западной части Русского Севера») и анализа литературного текста по морфологическим и синтаксическим параметрами, которые могут быть использованы для атрибуции анонимных и псевдонимных статей в русской литературе и журналистике XIX–XX веков (проект А. А. Рогова «Разработка информационной системы “Статистические методы анализа литературного текста”»); <http://smalt.karelia.ru>), и др.

Прежде всего, информационные проекты должны быть направлены не столько на публикацию электронных версий своих трудов учеными, сколько на создание инновационного продукта, научных информационно-телекоммуникационных систем и сетей, унифицированной системы научных знаний и технологий, а также, как это вытекает из позиции РГНФ, на создание некоторых элементов искусственного интеллекта при построении экспертных систем и баз знаний, информационных сетей коллективного пользования с уникальными научными ресурсами.

Новейшее программное обеспечение позволяет самым радикальным образом облегчить процесс работы современного ученого и не только в естественно-научной, технической, но и в гуманитарной области. Сегодняшнему филологу уже нет необходимости тратить уйму времени на ручную обработку материалов, сравнивая текстовые документы, при переводе их на русский язык и при создании базы данных. Все это можно совершить при помощи локальных поисковых утилит, например AVSearch (www.avtlab.ru), «Ищейка» (www.isleuthhound.com/ru). Сопоставление нескольких редакций одного и того же произведения до недавнего времени было весьма трудоемким делом, но теперь, располагая оцифрованными версиями печатных источников, можно провести их сравнение с меньшими затратами времени и усилий при помощи утилиты CSDiff (www.componentsoftware.com)². Текстология XXI века явно в выигрыше по сравнению с предшествующими веками и, как представляется, более точна, вероятность допущения ошибок и неточностей, банальных пропусков сводится к минимуму. Конечно, анализ полученных

² Подробней о возможностях современного программного обеспечения в филологических исследованиях см.: Евдокимов А. В. Новейшие IT-технологии в литературоведческой работе // http://www.imli.ru/conferences_2005/info_filolg/evdokimov.html.

сравнений остается за самим исследователем, искусственный интеллект пока не создан, и осмысливать тексты до сих пор может только человек.

Такие утилиты и программные комплексы, как, например, TextAnalyst (www.analyst.ru), «Рабочее место лингвиста» (www.aot.ru) способны выстраивать семантическую цепь по степени частотности словоупотребления, проводить грамматический анализ текстов, машинный морфологический разбор слов (Morphology), синтаксический (VisualSynan) и семантический анализы (RossDev).

Менее разработаны, но тем не менее достаточно активно используются программы по машинному переводу. В таких системах машинного перевода, как Promt (www.promt.ru), Retrans Vista (www.retrans.ru), широко применяется метод Translation Memory («памяти перевода»), и пользователь может сохранить отредактированные образцы перевода, которые машина в дальнейшем сама автоматически подставит. Но Retrans Vista имеет дополнительное преимущество, которое заключается в использовании метода «семантико-синтаксического, преимущественно фразеологического» перевода, предложенного еще в 1975 г. академиком Г. Г. Белоноговым. Профессиональные переводчики могут воспользоваться функцией интерактивного перевода, когда текст переводится по предложениям и дается несколько вариантов на иностранном языке. Таким образом, в деле разработке программного обеспечения для филологического анализа текста намечен определенный прогресс.

Существует немало пока еще не решенных проблем, связанных с неразработанностью критериев корректного представления текста в электронной среде, проблемами идентификации информационных объектов и филологической акрибии, сохранением всех элементов произведения; воспроизведением пагинации оригинального издания; сохранением состава и последовательности значащих символов; сохранением всех значимых элементов оформления, созданием точного библиографического описания всех представленных изданий, фрагментов изданий и произведений, с вопросом редакторского вмешательства при подготовке электронной версии текста, допустимости/недопустимости внесения изменений в орфографию и пунктуацию печатных оригиналов, исправления опечаток в оригинале; с проблемами воспроизведения церковнославянского и готического шрифта при посимвольном представлении текста, нарушении закона об интеллектуальной собственности и др.³ Тем не менее, перспективы создания информационных систем выглядят

³ См. Пильщиков И. А. Критерии подготовки филологически корректных публикаций в сетевой среде // http://www.imli.ru/conferences_2005/info_filolg/pilshikov.html.

весьма оптимистично, прежде всего благодаря успехам мирового Интернет-сообщества.

Примером общего подхода к созданию электронных информационно-исследовательских баз в области филологии и возникающих при этом проблем может быть проект «Русский Шекспир», подготовленный в Институте гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета (руководитель проекта Н. В. Захаров) и поддержанного грантом РГНФ (2005–2007 гг.).

Создание «Информационно-исследовательской базы данных «Русский Шекспир» представляется сложной научно-исследовательской задачей, направленной на интеграцию сразу нескольких направлений. Во-первых, это собственно научные задачи: создание наиболее обширной библиографии по теме «Русский Шекспир», которая будет в себя включать целый ряд разделов («Переводы произведений Шекспира на русский язык: собрания сочинений и сборники, отдельные произведения», «Критические работы, посвященные творчеству и жизни Шекспира» (проблема авторства, критика отдельных произведений, Шекспир и театр, история шекспироведения, Шекспир и зарубежная литература, Шекспир в России, Пушкин и Шекспир, пародии на произведения и т. д.); исследование и разработка проблем, связанных с вхождением Шекспира в русскую культуру, формированием русской теорией перевода (написание статей и монографий). Во-вторых, это сугубо образовательные вопросы, связанные с использованием Интернет-ресурсов в преподавании филологических дисциплин, методики перевода, истории театра, кинематографа, мировой художественной культуры, разработка оригинального спецкурса «Русский Шекспир». Проект был рассчитан на три года, но обновление контента идет постоянно.

Информационно-исследовательская база данных в окончательном виде будет включать в себя публикацию переводов произведений Шекспира на русский язык, вольных переложений и переделок его произведений, публикацию критических работ и исследований по общим вопросам творчества Шекспира, по проблеме авторства, истории шекспироведения, по отдельным произведениям великого драматурга, их театральным и кинематографическим версиям. Большой объем работы в этом направлении уже выполнен. База данных содержит публикацию как оригинальных результатов текстологических исследований авторского коллектива, так и свыше 1700 печатных источников, многие из которых недоступны большинству исследователей. Все тексты будут подготовлены в соответствии с требованиями, предъявляемыми к электронным научным изданиям и реализованными в Фундаментальной

электронной библиотеке (www.feb-web.ru). Работы по проекту будут идти по трем основным направлениям: 1) подготовка и сдача в эксплуатацию информационной системы и web-сайта, 2) формирование полнотекстового содержания информационно-исследовательской базы данных «Русский Шекспир», 3) разработка разнообразных способов просмотра информации, атрибутивного информационного поиска, полнотекстового поиска по свободной лексике как на русском языке, так и на английском языке. Технология подготовки информации основана на применении языка разметки XML, что обеспечит воспроизведение оформления и шрифтовых особенностей оригинального текста. В информационную систему будут загружены более 30 тыс. страниц текстовой информации, представлены рекомендательные библиографические описания.

Основное значение базы данных — рецепция наследия Шекспира в России и в ряде других стран, его влияние на русскую культуру, литературу и театр. Среди задач проекта — обеспечение справочными ссылками на обширные информационные ресурсы по Шекспиру в Интернете. Проект предполагает разработку и внедрение принципиально новой методики изучения наследия Шекспира в России с учетом системных и функциональных свойств объекта исследования и современных информационных технологий. Информационно-исследовательская база данных будет опубликована в Интернете, она может быть использована в научной, преподавательской и переводческой деятельности, предназначена как для исследователей, так и всех почитателей творчества Шекспира.

Одна из задач проекта — сбор, хранение, использование и распространение в электронной форме больших объемов текстовой информации, предоставление всем заинтересованным исследователям справочной информации, которая является неотъемлемой частью русской культуры, исследуется и изучается в высшей и средней школе России и всего мира. Многие тексты представлены в редких и недоступных сегодня изданиях. Создание электронной библиотеки «Русский Шекспир» в Интернете позволит предоставить доступ к авторитетным гипертекстовым изданиям, включающим как сами тексты, так и справочный аппарат (вступительные статьи, комментарии, справочные материалы электронных изданий).

Проект предоставляет возможности комплексного изучения такого явления, как «Русский Шекспир». В русской культуре, как и в других национальных культурах, есть мировые гении, освоенные в этих культурах в своих национальных интерпретациях. Таковы русский Гомер, русский Сервантес, русские Гете и Шиллер, русские Байрон и Вальтер

Скотт, американский и японский Достоевский. Шекспир давно является важнейшим компонентом изучения английской культуры в России. Наследие Шекспира активно изучается как в университетах, так и в школах. Внимание исследователей привлекают не только тексты великого драматурга, но и театральные постановки, экранизации его произведений в кинематографе. Преподавателям, студентам и школьникам явно не хватает информации о месте Шекспира, которое он занимает в литературе и культуре России и всего мира.

Исходя из концепции феномена «Русского Шекспира» в отечественной культуре, в полнотекстовую информационно-исследовательскую базу данных включаются электронные варианты текстов и переводов произведений Шекспира на русский язык и критические работы (монографии, статьи, рецензии и т. д.) начиная с XVIII века, когда А. П. Сумароков впервые упомянул имя Шекспира в «Эпистоле о стихотворстве» (1748) и в том же году дал вольное переложение шекспировского «Гамлета» по французскому переводу — пересказу де Лапласа (1745). Подобно английской Елизавете I, Екатерина II придавала огромное значение просветительской роли театра. Известно ее «Вольное переложение из Шакеспира», выполненное в 1786 г. и вышедшее под названием «Вот какво иметь корзину и белье»⁴. Нельзя не упомянуть и прозаический перевод «Юлия Цезаря», выполненный Н. М. Карамзиным с подлинника в 1787 г. Перевод этот опередил свое время, но не встретил положительного отклика у читателей, а в 1794 г. был запрещен. Вначале ранние сведения о Шекспире попадали в Россию в основном через французскую и немецкую печать и даже в первые десятилетия XIX века некоторые переводы выполнялись с французских классических адаптаций Ж. Ф. Дюсиса (например, «Леар» в переводе Н. А. Гнедича, 1808). В том же 1808 г. на русский язык перевел «Отелло» И. А. Вельяминов, а в 1811 г. С. И. Висковатов перевел «Гамлета». Романтическому культу Шекспира отдали дань увлечения в России такие писатели и поэты, как В. К. Кюхельбекер, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, О. М. Сомов, которые опирались на пример Шекспира в создании самобытной национальной литературы, пропитанной духом народности. После декабристского восстания 1825 г. драмы и исторические хроники Шекспира помогли осмыслить историко-политическую драму ее участников. Заключенный в крепость Кюхельбекер с 1828 по 1832 гг. перевел «Макбета» и исторические хроники, написал «Рассуждение о восьми исторических драмах Шекспира и в особенности о Ричарде III»

⁴ См.: Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1849. Т. 2. С. 366–434.

(1832). Интерес к подлинному Шекспиру вызывал появление все новых и новых переводов. Одновременно с Кюхельбекером и независимо от него М. П. Вронченко переводит «Гамлета» (1828), 1-е действие «Короля Лира» (1832), «Макбет» (1837), В. А. Якимов — «Короля Лира» (1833) и «Венецианского купца» (1833). Ряд переводов остался неопубликованным, а стремление переводчиков к точности нередко приводило к буквализму.

Наиболее интересным русским шекспиристом был и остается А. С. Пушкин. Шекспиризм поэта был больше чем увлечение, чем следование литературной моде на английского драматурга. Он имел духовное следствие в собственном творчестве. Шекспиризм Пушкина несет в себе мировоззренческую проблематику, он перерос из литературного в философское знание. Именно под влиянием Шекспира у Пушкина формируется зрелый взгляд на историю и народ. Пушкин считал Шекспира романтиком, понимая под «истинным романтизмом» искусство соответствующее «духу века» и связанное с народом. Пушкин стремился развить художественную систему Шекспира применительно к задачам своей эпохи. Главной чертой шекспировской манеры он считал объективность, жизненную правду характеров и «верное изображение времени». «По системе отца нашего Шекспира» Пушкин строил свою трагедию «Борис Годунов» (1825), чью объективность в изображении эпохи и характеров того времени он позаимствовал из Шекспира. Выдвинув на первый план проблемы, связанные с властью, ее нравственностью и ее отношением к народу, Пушкин подражал Шекспиру, что впоследствии вылилось в переложении пьесы «Мера за меру» в поэму «Анджело» (1833). Использование поэтики Шекспира в «Борисе Годунове» было в дальнейшем усвоено русской драматургией, особенно исторической: в частности, трагедия Пушкина послужила образцом «шекспиризма» для писателей, связанных с Обществом Любомудрия, — для М. П. Погодина («Марфа, посадница новгородская», 1830) и А. С. Хомякова («Дмитрий Самозванец», 1833).

Шекспир и его переводы на русский и французский языки оказали огромное воздействие на русскую литературу. Для М. Ю. Лермонтова Шекспир — «гений необъемлемый, проникающий в сердце человека, в законы судьбы»⁵, для И. С. Тургенева — «гигант, полубог»⁶, для Ф. М. Достоевского — пророк, пришедший «возвестить нам тайну... души человеческой»⁷.

⁵ Лермонтов М. Ю. Соч. М., 1957. Т. 6. С. 407.

⁶ Тургенев И. С. Соч. М., 1964. Т. 8. С. 185.

⁷ Достоевский Ф. М. Записные тетради. М., 1935. С. 179.

В 1840 г. за прозаический перевод всех пьес Шекспира взялся друг А. И. Герцена и В. Г. Белинского врач Н. Х. Кетчер⁸. В произведениях русских писателей А. И. Герцена, И. А. Гончарова, А. А. Григорьева шекспировские образы переносились в современность, им давалась новая интерпретация. Так, Тургенев в статье «Гамлет и Дон Кихот» (1860) показал, что в новых условиях Гамлеты 1840-х годов выродились в «лишних людей», которые хотя и враждебны злу, но бессильны с ним бороться. Свое истолкование Гамлета Тургенев воплотил во многих героях от «Гамлета Щигровского уезда» (1849) до «Нови» (1876). Достоевский создавал титанические характеры своих героев по образам и подобию шекспировских героев. Больше всего его привлекали Отелло, Гамлет и Фальстаф, в которых, он считал, воплотились неприятие зла, скепсис и нигилизм, приводящий к отчаянию и порокам. В 1840–1860-е годы появились переводы шекспировских пьес А. И. Дружинина, Н. М. Сатина, А. А. Григорьева, П. И. Вейберга и др. Значительным событием стал выход в 1865–1868 гг. «Полного собрания драматических произведений Шекспира в переводе русских писателей», в дальнейшем неоднократно переиздававшегося.

Особый интерес имеет критика и ниспровержение Шекспира русскими писателями, самым значительным из которых был Лев Толстой. Чернышевский даже в печати призывал «без ложного подобострастия смотреть на Шекспира» и объявлял «половину каждой драмы Шекспира негодной для эстетического наслаждения в наше время»⁹.

В последней трети XIX века возникает русское академическое шекспироведение, основоположником которого был Н. И. Стороженко. Его исследования, посвященные Шекспиру, его предшественникам и современникам, получили признание даже в зарубежной критике. В 1897 г. А. Л. Соколовский издал стихотворный перевод всего Шекспира, работа над которым продолжалась около 30 лет. Обладающий определенными литературными достоинствами, перевод Соколовского во многом неточен, затянут, автор добавлял лишние слова, новые образы и сравнения. В 1893 г. журнал «Живописное обозрение» представил читателю прозаические переводы под редакцией П. А. Коншина.

В 1902–1904 гг. С. А. Венгеров в сотрудничестве с учеными, критиками и переводчиками осуществил комментированное издание полного собрания сочинений Шекспира в 5 томах, которое подвело итог русскому освоению Шекспира в XIX веке. Все пьесы были снабжены всту-

⁸ См.: Шекспир /. Перев. Н. Кетчера. М., 1841–1850. Т. 1–5.

⁹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 283, 50.

пительными статьями и примечаниями, иллюстрации включают собрание картин на шекспировские темы выдающихся художников XVIII и XIX веков.

Театроведческое изучение Шекспира начал В. К. Мюллер в работе «Драма и театр эпохи Шекспира» (1925). И. А. Аксенова интересовали структурные формы драматургии Шекспира («Гамлет и другие опыты, в содействии отечественной шекспирологии», 1930). А. А. Смирнов создал монографию «Творчество Шекспира» (1934), глубоко освятившую связь Шекспира с гуманистической традицией Возрождения. В 1940–1950-е годы М. М. Морозов опубликовал ценные исследования о языке и стиле Шекспира. Новый этап отечественного шекспироведения начался во второй половине 1950-х годов и достиг кульминации в 1960-е годы в связи с подготовкой к празднованию 400-летия со дня рождения Шекспира (1964). Многочисленные работы этих лет отмечены глубоким изучением социальных, философских и эстетических мотивов творчества Шекспира, а также художественных особенностей его драматургии (работы Л. Пинского, А. Аникста, Ю. Щедова, Н. Берковского, И. Верцмана, Б. Зингермана, Р. Самарина, М. и Д. Урновых и др.; книги кинорежиссеров Г. Козинцева и С. Юткевича).

В переводческой деятельности 30–60 годов XX века наметились два направления. Первое было отмечено стремлением приблизиться к подлинному тексту, воспроизвести сложные образы и метафоры Шекспира, сохранить стилевое разнообразие языка, вплоть до «грубости» шекспировских изречений. В этом духе созданы переводы А. Радловой, М. Лозинского, М. Кузмина. Новая переводческая манера была введена Б. Пастернаком, который отказался от дословности и стремился воспроизвести текст Шекспира живым современным языком. Его принципы воплотились в переводах С. Маршака, В. Левика, Ю. Корнеева, М. Донского, Т. Гнедич, П. Мелковой, в которых сочетается необходимая точность с поэтической свободой и естественностью русской речи. Этот сегмент «русского Шекспира» наиболее известен современному читателю.

Научную актуальность проекта представляет очевидный факт: если рецепция Шекспира и усвоение его уроков («шекспировские штудии») в русской культуре достаточно хорошо изучены в современном литературоведении (М. П. Алексеев, Ю. Д. Левин и др.), то влияние не всегда совершенных и безупречных переводов — переделок его произведений, театральных постановок и актерской игры на поэзию и прозу «золотого» и «серебряного» веков русской литературы до сих пор не

было предметом серьезного исследования, что и является одной из основных задач данного проекта.

Сегодня во всем мире идет процесс интенсивного создания электронных библиотек и соответствующих справочно-информационных систем. В иноязычном Интернете широко представлены справочные и образовательные ресурсы о Шекспире на английском и многих других языках особенно в США и Великобритании:

<http://the-tech.mit.edu/Shakespeare/>;

коммерческий <http://www.shakespeare.com/>;

<http://shakespeare.palomar.edu/>;

<http://www.shakespeare-online.com/>;

<http://www.ipl.org/div/shakespeare/>;

<http://www.shakespeare-oxford.com/>;

<http://www.bardweb.net/>;

www.emory.edu/ENGLISH/classes/Shakespeare_Illustrated/.

На русском языке, особенно в библиотеке М. Мошкова (<http://lib.ru/SHAKESPEARE/>), хорошо представлены переводы Шекспира последнего столетия, в том числе и ставшие классическими переводы Б. Пастернака, Т. Щепкиной-Куперник, М. Лозинского и др. У них один недостаток — они подготовлены энтузиастами и любителями без должного усердия, без выполнения требований и правил текстологической подготовки электронных научных изданий. В этих интернет-проектах отсутствует научно-исследовательская составляющая.

Другой информационный проект, к реализации которого приступил Институт фундаментальных и прикладных исследований МосГУ в 2008 г. составляет оригинальную часть комплексного исследования творчества Шекспира и его мирового значения. Выполнение проекта должно завершиться разработкой, созданием, внедрением и публикацией электронного словаря «Мир Шекспира: Электронная энциклопедия» в виде информационного вэб-ресурса в 2010 г. Планируется его дальнейшая поддержка и обновление в сети Интернет не зависимо от конечного срока выполнения грантовых обязательств.

В проекте решаются задачи теоретического осмысления проблем освоения творчества зарубежного писателя русской культурой, собирается воедино и обобщается весь комплекс сведений о месте Шекспира в культуре России от первого знакомства с его творчеством в XVIII веке до наших дней: переводы, постановки на сцене, издания, кино- и телеэкранизации, шекспировские образы и сюжеты в живописи, музыке, балете, литературная, театральная, искусствоведческая критика, исследова-

ния, интерпретации, освещение в сайтах Интернета, Шекспир в повседневной культуре.

Научные проблемы, на решение которых направлен проект, включают в себя фундаментальное понимание, максимально полное и всестороннее представление значения Шекспира и его творчества в культуре России и в современном мире. Актуальность научной проблемы состоит в насущной необходимости систематизировать обширный материал о вхождении творчества Шекспира в общемировую и русский культурные тезаурусы с целью более глубокого понимания основ отечественной культуры нового и новейшего времени. Конкретизация проблемы заключается в выявлении специфики феномена «Мир Шекспира» и усиления значения отечественной традиции восприятия и изучения творчества британского драматурга в мировом шекспироведении.

Проект направлен на решение как сугубо научных, так и прикладных проблем.

Шекспир является одним из мировых гениев, заложивших основания современной цивилизации. На изучении его поэтического наследия держится наука и образование многих стран, в том числе и России. Шекспир оказал глубокое влияние на русскую культуру, литературу и театр. Своеобразна рецепция творчества Шекспира в русской критике. Вместе с тем недостаточно прояснен процесс становления литературной репутации Шекспира, малоизвестны источники, которые лежат в основе высоких оценок, прозрений и предубеждений отечественных поэтов и критиков. В результате реализации проекта будет создан информационный ресурс, имеющий задачей формирование систематизированного (энциклопедического) представления о присутствии гениального зарубежного автора в отечественной культуре, а осваивающая инокультурные образы русская литература предстает как часть литературы всемирной. Впервые в полном виде будет представлена проблема шекспиризма как специфически русской формы осмысления творческого вклада Шекспира в мировую культуру и отечественного переосмысления его творчества.

К прикладным, отчасти техническим проблемам относятся сбор, хранение, использование и распространение в электронной форме больших объемов текстовой и визуальной информации. Цель их решения направлена на предоставление всем заинтересованным исследователям справочных материалов, которые являются неотъемлемой частью русской культуры, исследуется и изучается в высшей и средней школе России и всего мира.

Таким образом, сфера использования проекта необычайно широка — научные исследования, театр и кинематограф, преподавание Шекспи-

ра в высшей и средней школе. Точно также широк и круг потенциальных пользователей Электронной энциклопедией «Мир Шекспира», который может состоять как из активных пользователей глобальной сети Интернет, читателей и поклонников творчества английского драматурга, так и серьезных исследователей, переводчиков, издателей, режиссеров, преподавателей, студентов и школьников.

Проект предполагает создание англоязычной версии большинства статей, которые позволят адекватно представить наследие Шекспира в русской культуре и предоставят доступ к огромному объему информации о Британском драматурге в России всем заинтересованным пользователям сети Интернет, не владеющим русским языком.

Основные научные методы, применяемые в исследовании, — историко-теоретический, герменевтический, тезаурусный, разработка которых позволяет планировать фундаментальные результаты при решении поставленной задачи.

Проект предполагает разработку и создание следующих модулей «Мир Шекспира: Электронной энциклопедии»:

1. **Персоналия.** Данный модуль представит результаты работы по написанию статей о собственной биографии Шекспира, сведения о переводчиках, среди которых А. С. Пушкин, Н. И. Гнедич, В. К. Кюхельбекер, Н. А. Полевой, А. И. Кронеберг, М. А. Кузмин, М. Л. Лозинский, С. Я. Маршак, Б. Л. Пастернак. Большое место займет характеристика взглядов русских писателей на творчество Шекспира, развитие особой формы его восприятия — шекспиризма — в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, А. П. Чехова, А. М. Горького, М. А. Булгакова, В. В. Набокова, И. А. Бродского, многих других русских, советских писателей, представителей русского зарубежья. Будут проанализированы концепции литературных критиков (В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Ап. Григорьев, Л. Шестов и др.), шекспиристов (Н. И. Стороженко, С. А. Венгеров, М. М. Морозов, А. А. Смирнов, Л. Е. Пинский, М. П. Алексеев, А. А. Аникст, И. Е. Верцман, Ю. Д. Левин, Н. П. Михальская и мн. др.). Литературоведческий материал будет включен в максимально полный культурный контекст (шекспировские образы в музыке М. Балакирева, П. Чайковского, С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Т. Хренникова и др.; театральные постановки, актерские работы П. Мочалова, В. Качалова, С. Михоэлса, М. Болдуман, А. Кторов, А. Фрейндлих и мн. др.; киноэкранизации С. Юткевича, Г. Козинцева, Я. Фрида и др.; балетные партии Г. Улановой, М. Плисецкой, В. Чабукиани и др.; графика В. Фаворского, Д. Шмаринова и др.).

2. История произведений Шекспира и их переводов на русский язык. В статьях данного модуля будет подробно представлена история создания всех произведений Шекспира, даны характеристики их переводов на русский язык, раскрыта история создания собственных оригинальных текстов русскими писателями, начиная от «Гамлета» А. П. Сумарокова (1748) вплоть до наших дней. Статьи отразят судьбу шекспировских произведений на театральной сцене, в изобразительном искусстве и музыке, в кинематографе и анимации.

3. Хронология событий. В статьях этого модуля предполагается осветить деятельность Шекспировской комиссии РАН, периодических изданий («Шекспировские чтения», «Шекспировские штудии» и др.), научных конференций, представить электронные базы данных (напр., «Русский Шекспир», создаваемую при поддержке РГНФ, №05-04-12423в), докторские и кандидатские диссертации и т. д.

4. Теория. Обобщенные результаты исследования должны быть представлены в теоретических статьях (Шекспироведение (русское); Шекспиризация; Шекспиризм; Русский Шекспир; Шекспировская индустрия; Шекспировский вопрос, Анти-Гамлет и др.).

5. Шекспир в мировой культуре. Раздел «Шекспир в мировой культуре» предстает в проекте в особом аспекте: на первый план выходит задача всестороннего освещения процесса утверждения литературной репутации Шекспира на русской почве. Раздел призван определить степень важности роли, которую его творчество сыграло в период становления нашей национальной литературы, обозначить пункты влияния Шекспира на отечественную культуру в дальнейшем. Произведения Шекспира стали одним из важнейших иноязычных источников формирования национальных особенностей русской драматургии, а также — в форме русского *шекспиризма* — поэзии и прозы, в музыке, живописи, в литературоведении и литературной критике, в повседневной культуре России нового и новейшего времени. Исследование должно раскрыть общую линию и конкретные пути развития этого масштабного процесса вплоть до наших дней. Актуальность данной научной проблемы состоит в насущной необходимости раскрыть механизмы формирования романтического культа Шекспира, шекспиризации западноевропейской литературы, театра, музыки и изобразительного искусства, шекспиризма в России и культурные последствия его утверждения в русской культуре.

6. Избранная библиография. В данном модуле будет представлена избранная библиография. Особое внимание будет уделено составлению отечественной библиографии за последние 20 лет.

К работе над проектом предполагается привлечь крупных отечественных шекспироведов, специалистов в области художественной культуры.

Электронной энциклопедии «Мир Шекспира» наиболее соответствует англоязычный коммерческий аналог: <http://www.shakespeare.com/>. Единственное несовершенство данного ресурса — это платный характер предоставления доступа (стоимость доступа к каждой публикации 15 \$). На русском языке, особенно в Информационно-исследовательской базе данных «Русский Шекспир» (<http://rus-shake.ru/>), хорошо представлены переводы Шекспира, но существует необходимость в более эргономичном представлении энциклопедического знания о Шекспире.

Проекты Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ предполагают публикацию обширного материала по малоизвестным, труднодоступным, а зачастую забытым текстам «русского Шекспира», информационных материалов по «Миру Шекспира», его исторической эпохи, театру, разработку и внедрение принципиально новой методики изучения наследия Шекспира в России с учетом системных и функциональных свойств объекта исследования и современных информационных технологий. В последующем результаты работ по проекту способны к развитию путем обновления информации и заполнения новых сегментов информационно-исследовательской базы данных.

Приведенные проекты показывают возможности электронной формы хранения и обработки информации в решении задач филологии — одного из краеугольных камней гуманитарного знания и высшего образования сегодня.

Обсуждая новые тенденции в комплексном изучении гуманитарных дисциплин в вузовской программе с использованием новейших информационных технологий, мы ограничились обращением только к одной гуманитарной науке — филологии, но и этого примера достаточно, чтобы охарактеризовать современное развитие гуманитарного знания.

Прежде всего, отчетливо обнаруживается движение различных гуманитарных дисциплин к междисциплинарности (к изучению одного явления методами различных дисциплин — «диалогу наук») и к комплексности исследований (обобщение результатов исследования методами многих дисциплин — «полилог наук»). Эти тенденции дополнены новыми явлениями в современной культуре, возникающими в диалоге книжной и «цифровой» культур (систем ценностей).

Новое в гуманитарных науках выражается в принципиальном изменении источниковой базы исследований и технологии обработки информации. Информационно-поисковые системы позволяют обрабаты-

вать базы данных, получать результаты в обработке таких объемов информации, которые прежде были недоступны исследователям. Это открывает новые возможности в создании концепций и исследовательских гипотез. Меняются и требования к самим научным гипотезам, которые должны обладать необходимой гибкостью и возможностью их постоянной коррекции в динамическом изменении информации.

Вл. А. Луков, Н. В. Захаров, В. Н. Гайдин.

**THE NEW INFORMATION TECHNOLOGIES AND
PHILOLOGICAL SCIENCES:
THE COMPLEX APPROACH TO THE HIGHER EDUCATION
(ABSTRACT)**

“The Information and Research Database «Russian Shakespeare»” includes the publication of the translations of the Shakespeare’s works in the Russian language, free arrangements and alterations of his works, the publication of critical works and studies on general questions of the Shakespeare’s creative works, the problem of authorship, the history of Shakespeare studies, the separate works of great playwrights, their theatrical and cinematographic versions.

The electronic scientific edition publishes the sources, many of which are inaccessible to the majority of the researchers. All texts are prepared in accordance with the textological requirements, which are set to electronic publication of texts of the classical literature. The inquiry references to the extensive information resources on Shakespeare on the Internet are presented.

“The Information and Research Database «Russian Shakespeare»” contains of full-text electronic library representing the main texts, which characterize the formation of the Shakespeare literary reputation and the perception of his heritage in the Russian culture of the XVIII–XXI centuries.

It is was created for researchers, lecturers, directors and actors of theatre and cinema, all worshippers of Shakespeare's creative works, it can be used in research, teaching, translation and creative activity.

The Federal Service of Supervision over Observance of Legislation in Mass Media Sphere and Protection of the Cultural Inheritance gave out the evidence about the registration of the media (ЭЛ №ФС77-25028) “Russian Shakespeare” as electronic periodical edition in social and educational sphere. The domain www.rus-shake.ru was registered.

The copyright is not applied to the most of the prepared texts. If there is copyright on the publication of some translations, then such items will be published only when the rightholders give their permission.

The project “The World of Shakespeare: an Electronic Encyclopedia” is an original part of a complex research of Shakespeare’s heritage and its global significance. The project’s ultimate goal is to develop and implement, and publish an electronic dictionary «The World of Shakespeare: an Electronic Encyclopedia» as an information web-resource by the year 2010. The project will be further maintained and updated on the Internet, after the fulfillment of grant obligations.

The project aims at the solution of scientific problems that include thorough comprehension and all-round representation of the importance of Shakespeare and his work for Russian culture and the rest of the modern world. The urgency of this scientific problem consists in an absolute necessity to systematize the extensive data about the penetration of Shakespeare into the world-wide cultural thesaurus, with a view to deeper understanding of Russian culture. The concretization of the problem consists in revealing the uniqueness of *The World of Shakespeare* and enhancement of the significance of the Russian tradition in the perception and research on the British playwright’s heritage in the world of Shakespeare studies.

II. ДОКЛАДЫ И МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ

С. В. Аронин

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СИНТЕТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Существование театра в начале XXI века переживает очередной этап определения собственного места в культурной жизни общества. Стоит отметить некоторые особенности столичного театра, характерные для последних лет.

1) Стремительно растет количество театрального продукта, т. е. появляются новые театры, театры-студии, театральные сообщества и проекты, антрепризы и т. д.

2) Стремительно растет количество смежных жанров, т. е. в драматические спектакли все чаще привносятся элементы цирка, мюзикла, шоу, перформанса, хеппенинга и т. д. Таким образом, можно говорить о театральном ренессансе и широте как театральных предложений зрителю, так и зрительского восприятия и потребностей.

3) В последнее время театральным направлениям свойственна поляриность взглядов и задач относительно друг друга, ориентированность на разного зрителя и агрессия по отношению друг к другу. Существует активная театральная жизнь в виде фестивалей, конкурсных программ и театральных премий, круг участников которой весьма ограничен, что в свою очередь влечет за собой и ограниченность круга зрительского. Такая ситуация тяготеет к «театру для театралов», тем более, что некоторые спектакли существуют только в форме такой фестивальной жизни и в принципе закрыты для широкого зрителя.

4) Эта закрытость же от широкого зрителя провоцирует авторов спектакля на вседозволенность, основанную на отсутствии объективной оценки их творчества. А значит, развитие театра движется эмпирическим путем, подчиняясь каждый раз разным законам, свойственным тому или иному театральному опусу.

В связи с этим, огромное значение имеет развитие театрального образования, которое должно подготавливать не материал для эмпирического поиска нового театра, а готового автора, уже мыслящего «ново-театрально», но сообразно объективным критериям, принципам и законам этого «нового театра».

К сожалению, единой концепции нового театрального образования не существует, не существует и нового подхода, свойственного тому или

иному театральному вузу. Напротив, внутри каждой школы действуют как традиционные подходы к воспитанию актера, режиссера, художника и др., так и новаторские, которые вступают в конфликт с традиционными. В целом же все подходы вынуждены конфликтовать с государственными программами высшего образования, не учитывающими особенности театрального воспитания и жизни студента театрального вуза.

Остановимся на одном примере эксперимента в театральном образовании московских вузов.

Летом 2007 г. на режиссерском факультете РАТИ-ГИТИС (где на каждом курсе учатся студенты актерской и режиссерской групп в соотношении примерно 2:1) произошел набор в экспериментальную сценически-режиссерско-актерскую мастерскую, в которой к актерам и режиссерам под руководством Евгения Каменьковича добавились еще и студенты-художники под руководством Дмитрия Крымова.

Дело в том, что в некоторых мастерских режиссерского факультета ГИТИСа существует индуктивный подход к воспитанию актера и режиссера, т. е. не последовательно-эволюционный (от простых коротких этюдов-тренингов без слов на разные составляющие актерской техники — к сложным и большим периодам: отрывкам, спектаклям), а синтетический, предлагающий студенту научиться в процессе освоения сразу нескольких задач и больше предлагающий, чем ограничивающий (предлагается разнообразие тем для работы и во главу угла ставится опыт пробы). По словам заведующего кафедрой режиссуры С. В. Женовача, «нужно разбудить в человеке творческое начало. Для кого-то очень важна форма, для кого-то — какие-то содержательные вещи. Для одного важно отстранение, для другого — погружение. Представление и проживание — они существовали всегда. И они неотделимы одно от другого. Если человек увлечен процессом игры, забывает все вокруг — это не значит, что нет элемента показа. Мы все равно работаем для людей. Мы, педагоги, можем только показать ход, которым можно идти. А дальше все зависит от меры таланта. И тут мы, к сожалению (или к счастью), ничего сделать не можем. Кто-то склонен к музыкальности, кто-то берет другим. Обучение — это и есть попытка помочь человеку с тем, чего он не умеет, и уточнить то, что он умеет уже сам по себе. Помочь это сохранить. А то, что он не умеет, — преодолеть»¹⁰.

С появлением на режиссерском факультете группы художников к учебному процессу помимо проблемы его организации добавляется про-

¹⁰ Цит. по: Рогинская О. Сергей Женовач: «Там, где начинаются формулировки, заканчивается театральный процесс» // Русский журнал. 2007. Август.

блема совместимости, определение законов совместного обучения режиссеров, художников и актеров. Д. Крымов говорит: «Нужно провоцировать человека учиться быть удивленным. Это очень хорошая фраза. Как их открыть? Вот если Женя откроет своих, а я открою своих, то они должны войти друг в друга, как две расчески. Но чтобы это получилось, это не только мы должны быть открыты, не только эту открытость должны им санкционировать, но просто взять палку... Конечно, добром, любовью, интересом — это все понятно, но: они ДОЛЖНЫ быть открыты. Я не хочу, чтобы художники даже на самом маленьком отрезке воспитывались как обслуживающие режиссеров. Сейчас мне интересна какая-то совместность, и непонятно, откуда что вырастает. Я не знаю, что из этого получится. Может, ничего. Как бы то ни было, я могу делиться только тем, что мне интересно сейчас. Тогда возникает какой-то азарт. И у меня, и у них»¹¹.

Возникает вопрос целесообразности такого объединения и педагогической деятельности ведущих театральных режиссеров столицы. С. В. Женовач говорит о принципиальности педагогики, апеллируя к словам В. Э. Мейерхольда о том, что режиссура — это сценическая композиция и актерская игра. С одной стороны, нужно научиться реализовывать постановочные идеи через артистов, с другой стороны, режиссерская идея выражается не только через артистов, но и пространственно: «Я часто смотрю работы молодых режиссеров, и, как правило, беда в том, что еще текст они разобрать могут, с артистом сговориться, а вот в области пространственного мышления беспомощны. И то же происходит у художников. Они не могут подключить артиста не просто как цветное пятно, а как часть целого»¹².

Говоря о задачах совместного курса, С. В. Женовач отмечает 2 позиции: 1) на режиссерском факультете ломается система того, что студенты по большей части играют отрывки, полноценные спектакли начинают появляться уже на втором, третьем курсах, таким образом, профессия постигается не только в процессе подготовки, но и в процессе игры спектакля; 2) идея заключается в образовании тандема режиссера и художника, в воспитании сценографа с режиссерским мышлением и режиссера с навыками сценографического мышления.

Е. Каменькович говорит о преимуществах обучения: «Люди в это время своей жизни еще верят, не обременены семьями, необходимостью зарабатывать и действительно занимаются театром 24 часа в сутки. И

¹¹ Цит. по: Кайф совместности // Станиславский. 2008. №24, октябрь.

¹² Цит. по: Рогинская О. Указ. соч.

мне кажется, что некоторых людей в театральном деле можно отслеживать до начала. У нас началом считается окончание какого-нибудь театрального вуза и так далее... А для меня начало — это вступительные экзамены»¹³.

Группа Е. Каменьковича и группа Д. Крымова год проучились по отдельности, и лишь осенью 2008 г. начинают «совместную жизнь». Оба руководителя отмечают опасности, с которыми можно столкнуться: художники в течение учебного года прекрасно справились с программой без совместного обучения с режиссерами, и наоборот.

Кроме того, оказывается, что сама система образования содержит, с точки зрения руководителей курса, лишние предметы (называются физкультура, родная речь, русский язык, математика), не решены технические вопросы (например, занятия по мастерству у режиссеров и художников проходят в разных местах: у режиссеров в основном здании ГИТИСа, а у художников в здании на ул. Поварской).

Несмотря на все трудности, мы бы назвали такой подход к экспериментальному образованию стратегическим, т. к. он позволяет рассчитывать на перспективу готового театрального продукта (спектакля) по окончании обучения (например: дипломная работа — спектакль — режиссера X и художника Y с актерами 1, 2, 3...). Подтверждение этой мысли находится и в словах С. В. Женовача: «Если говорить о тенденциях... Я думаю, в ближайшее время театр будет идти по пути совместного сотворчества — режиссеров, художников, композиторов, артистов. Эпоха режиссерского театра, когда все и вся подчинялось режиссеру-диктатору, обслуживало какую-то идею, закончилась. Тем более позади время актерского театра, когда режиссер работает на актера, обслуживает его. Теперь станут писать: «Спектакль сочинили» — и далее будут идти три-четыре фамилии»¹⁴.

Очевидно, в XXI веке театральное образование нуждается в новой организации учебного процесса. Причем необходимо, как говорил Станиславский, определить сверхзадачу. Единая государственная программа высшего образования нуждается в корректировке по отношению к театральным вузам.

¹³ Цит. по: Васенина Е. Ученик чародеев // Новая газета. 2008. 22 мая.

¹⁴ Цит. по: Рогинская О. Указ. соч.

ПРОЕКТ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ: ВИКИ-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «ФИЛОЛОГИЯ»

Студенты филологического факультета Московского педагогического государственного педагогического университета решили внести свой вклад в повышение уровня образования по филологическим дисциплинам как у студентов, так и у школьников. Но надо было выбрать такую область методики, в которой мы были бы уже достаточно сильны, а может быть, и в чем-то опережали преподавателей. Такой сферой, несомненно, является интернет, используемый лишь немногими преподавателями, но хорошо освоенный студентами, причем почти всеми. Так возникла идея электронной Вики-энциклопедии «Филология», рассматриваемой нами как научно-образовательный проект.

Научная актуальность проекта обусловлена тремя основными факторами. Первый из них — малое присутствие филологии в интернете. Мы нашли менее десяти сайтов лингвистической направленности, которые обновляются примерно раз в три-шесть месяцев; их основное содержание — отсканированные научные статьи. Литературоведение представлено официальными сайтами нескольких журналов, где перепечатываются статьи из соответствующих изданий, а также крупной библиотекой ФЭБ. Объем всех этих сайтов (за исключением ФЭБ) очень невелик, особенно учитывая огромную массу филологических знаний, которыми располагает современная наука. Дизайн сайтов, посвященных филологии, часто только затрудняет поиск информации, и без того сложный ввиду отсутствия единой базы знаний. Кроме того, все эти сайты почти не используют возможности, которые предоставляют инновационные интернет-технологии, в том числе вики. Таким образом, можно говорить о том, что современное интернет-пространство филологией освоено явно недостаточно.

Второй фактор, который уже был упомянут выше, — это огромный объем знаний, накопленных современной филологической наукой, как отечественной, так и зарубежной. Нет ни энциклопедии, ни учебного пособия, ни интернет-сайта, где эти знания были бы представлены достаточно полно, структурировано и доступно — хотя современные технологии это позволяют.

Третий фактор связан со спецификой филологии как гуманитарной науки. В этом — ее важное отличие от точных и естественных дисциплин, где единицей научного знания может быть научный факт. В фило-

логии часто речь идет не столько о факте, сколько о мнении, причем не только в литературоведении, но и в лингвистике. Обладать филологическим знанием — значит видеть его как систему мнений и быть способным в ней ориентироваться. Учебные пособия и энциклопедии часто стремятся реализовать этот принцип, однако эти попытки обречены в лучшем случае лишь на частичный успех. Ведь объем знаний огромен и стремительно растет с каждым годом; он — явление динамичное, а книга — статичное. Однако с использованием современных интернет-технологий становится возможным охватить информацию любого объема и при этом успевать за его ростом.

Уже сейчас есть возможность создать тезаурус современной филологии, при этом минимизировав затраты и попутно решив некоторые другие проблемы. Технология «вики» позволяет создавать интернет-энциклопедии по принципу Веб-2.0, давая пользователю возможность не только читать статьи, но и свободно пополнять их. Наиболее ярким примером такого проекта является «Википедия», где содержится более 10 миллионов статей на более чем ста языках мира. Вики-энциклопедия на сегодняшний день является наиболее рациональным способом представления больших объемов знаний, и именно поэтому эта технология лежит в основе предлагаемого проекта. Однако прежде чем перейти к описанию принципов его работы, хотелось бы обратить внимание на другие проблемы, решению которых может поспособствовать студенческая вики-энциклопедия.

Предлагаемый проект, сам по себе являясь перспективным научным ресурсом, также актуален и для методики преподавания филологических дисциплин (в вузах, в первую очередь). При изучении лингвистики и литературоведения студенты сталкиваются с двумя проблемами: большим объемом знаний, которые необходимо усвоить, и большим числом разных, нередко противоположных точек зрения на один и тот же вопрос. При этом в учебных пособиях и лекциях часто даются далеко не все точки зрения, имеющие место в современной науке (ввиду ограничений в объеме и времени). Подчас оказывается, что достать нужные статьи или монографии просто невозможно, так как их издаются гораздо реже, чем того хотелось бы. Студенту часто очень тяжело ориентироваться в этой массе филологических знаний, так как у него обычно нет возможности увидеть их «сверху» (ведь в учебниках и лекциях информация подается неизбежно субъективно). Необходимо не только дать возможность увидеть науку как систему мнений, но и предоставить инструменты для навигации в этом пространстве.

Наконец, существует и педагогический аспект актуальности этого проекта. Достаточно опросить с два десятка студентов (что было нами проделано), чтобы сделать и без того явный вывод: немногие интересуются филологией как наукой, а те, кто интересуется, не находят возможности этот интерес реализовать. Одна из причин этого явления видится в отсутствии научного сообщества среди студентов — не регламентированной организации, а именно свободной общности людей, объединенных интересом к науке. Отсутствует объединяющая сила, которая могла бы сплотить этих людей, познакомить их, наконец. Коллективная работа над научным проектом вполне может стать такой силой, особенно если этот труд будет добровольным и осозанным, а полученные результаты студенты смогут справедливо назвать плодом своих усилий.

Из вышесказанного становится ясно, что при осуществлении проекта должны быть поставлены следующие цели:

1. Научная: создать динамический тезаурус филологической науки с использованием современных интернет-технологий.
2. Методическая: дать студентам возможность увидеть науку как систему мнений и предоставить инструменты для навигации в этом пространстве.
3. Педагогическая: сплотить студентов, интересующихся филологией, с помощью коллективной работы над научным проектом.

Создание студенческой вики-энциклопедии позволит достичь всех трех поставленных целей.

Каждая из описанных в начале проблем может быть решена с помощью этого проекта. Вики-энциклопедия может вместить практически неограниченный объем информации, а также дает возможность структурировать ее наиболее подходящим для каждого случая образом. Эта информация может быть представлена любым способом, в том числе и как система мнений. Так как работа над вики-энциклопедией должна быть коллективной, она может стать тем проектом, труд над которым будет способствовать формированию студенческого научного сообщества.

Однако для начала полноценной работы над этим проектом следует решить несколько задач.

Первая из задач, которую следует решить при работе над любым интернет-проектом, основанном на коллективном труде, — привлечение достаточного числа людей. Эффективность, информативность и достоверность вики прямо пропорциональны количеству активных участников. Поэтому англоязычный раздел Википедии, над которым работают миллионы добровольцев, по достоверности не уступает энциклопедии «Британника». Масштабы филологической вики гораздо меньше, но и ей

требуется немалое число активных пользователей. Возникает закономерный вопрос: как привлечь к работе над проектом достаточное количество пользователей?

Увы, на данном этапе развития информационного общества в России нельзя говорить о существовании культуры «information sharing». Любая деятельность, не приносящая прямого дохода и не являющаяся общепринятой формой досуга, оказывается как бы «вне поля зрения» — это же касается и распространенной на Западе практики «information sharing», когда человек пополняет интернет-ресурсы (вики-энциклопедии, сайты по типу «вопрос-ответ», специализированные сообщества) просто из желания *делиться знанием*. Эта практика закреплена в западной культуре ярким образом: если у меня есть два яблока и я дам тебе одно из них, у нас у каждого будет по одному яблоку; но если у меня есть две «информации», и я сообщу тебе их, то у нас у каждого окажется по две «информации» — я отдаю, ничего не теряя. В современной России культура «information sharing» развита мало, что можно проследить, например, на низком уровне российской Википедии (за исключением некоторых удачных разделов) относительно англоязычной, а также по количеству вики-энциклопедий в Рунете вообще.

Поэтому наиболее разумным представляется интегрировать работу над филологической вики-энциклопедией в учебный процесс. Здесь существуют два пути, которые радикально друг от друга отличаются.

Первый путь этой интеграции — на добровольной основе, через факультативные задания. Так, преподаватель может предложить студентам совместно написать по пройденной теме статью или даже несколько статей. Возможно создание спецкурсов, частично направленных на работу над вики-энциклопедией. При этом не следует делать эту работу обязательной — как только студенты почувствуют, что их *принуждают*, мнение о проекте может резко измениться в отрицательную сторону. Считается, что создание вики-энциклопедии — занятие увлекательное и способно привлечь интересующихся наукой студентов само по себе. Такой путь позволяет привлечь к проекту наиболее заинтересованных, «идейных» студентов, но количество их будет, естественно, крайне мало. И скорее всего — недостаточно для функционирования вики-энциклопедии.

Второй путь — интеграция работы над вики-энциклопедии в учебный процесс на обязательной основе. Главное средство такой интеграции — спецкурсы, которые не предусматривают написание курсовой работы. Чаще всего условием получения зачета по этому предмету является посещение лекций; реже преподаватель проводит зачет по билетам

или с условием выполнения какой-либо практической работы — реферата, доклада. Наиболее желательным является внедрение работы над вики-энциклопедией как необходимого условия получения зачета именно по такому спецкурсу, и этому есть несколько оснований. Увеличение учебной нагрузки студентов незначительно — написать хорошую статью в вики-энциклопедию можно за один-два дня. В отличие от рефератов, которые в наше время чаще всего скачиваются из интернета, а затем забываются и студентами, и преподавателями, работа над статьей в вики-энциклопедии является продуктивным видом деятельности, результаты которой останутся «на века» в форме правок (или создания основы) какой-либо статьи. Все правки можно легко и очень быстро отследить и проверить на аутентичность (чтобы избежать простого копирования со стороннего сайта), что может сделать сам преподаватель либо кто-то из администрации сайта. Такая работа несет и индивидуальную (методическую), и общественную (научную) пользу: студент приобретает знания в ходе создания или редактирования статьи, а вики-энциклопедия пополняется новой информацией. При поддержке крупного филологического факультета это обеспечит достаточное для нормального функционирования количество участников вики-энциклопедии. Но такая работа не является добровольной, а потому с меньшим энтузиазмом будет воспринята студентами.

Наиболее разумным представляется совмещение этих двух способов интеграции, но все же с упором на второй. Основная масса студентов будет обеспечивать функционирование вики-энциклопедии и пополнять ее информационную базу в ходе сдачи зачетов по спецкурсам. Те же, кого эта работа заинтересует особенно, могут быть включены в состав администрации ресурса, то есть тех, кто выполняет контролирующую функцию. Обычно администраторы также занимаются каким-то одним узким разделом вики-энциклопедии, пополняя его и проверяя на предмет фактических неточностей и ошибок. Такой подход способствует достижению первой и третьей из поставленных выше целей: будет обеспечена информационная основа ресурса (научный аспект), а также естественным образом (на добровольной основе) сформируется коллектив студентов, объединенных совместной работой над научным проектом.

Другая задача заключается в структурировании вики-энциклопедии. Эта проблема стоит значительно менее остро, чем предыдущая, и может быть решена в процессе работы. Более того, опыт создания вики-ресурсов подсказывает, что на начальных этапах разра-

ботки структуру следует делать как можно более гибкой, она выстроится сама естественным путем в процессе работы над проектом.

Актуальность третьей задачи на ранних этапах невелика. Вначале вики-энциклопедия требует совсем немного технических ресурсов, которые можно обеспечить хостингом средней руки (6–7\$ в месяц). Однако со временем нагрузка на сервер возрастет, и может понадобиться усовершенствование технической базы проекта. Впрочем, такая нагрузка будет лучшим свидетельством успешности проекта, так как ее причиной может быть только большой поток посетителей. Вторая графа расходов связана с техническим обслуживанием вики-энциклопедии. Несмотря на то, что «движок» сайта очень надежен и прост в обращении, работа с ним требует хотя бы минимальных технических знаний. В наше время среди студентов наверняка найдется тот, кто ими обладает. Однако для решения более сложных задач, требующих более глубоких технических и математических знаний (таких, как усовершенствование визуального редактора, функции поиска; автоформатирование статей), может возникнуть необходимость в привлечении специалистов со стороны. К счастью, их услуги совсем не дороги. Главное же финансовое преимущество вики-энциклопедии в том, что основная работа не требует никаких финансовых вложений.

Взявшись за реализацию данного проекта, его инициаторы — студенты филологического факультета МПГУ — обратились к руководству факультета и нашли поддержку. В результате такая энциклопедия уже разрабатывается студентами.

А. П. Бондарев

**ТЕМА И ПРОБЛЕМА:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
И КОНЦЕПЦИЯ ЛЕКЦИОННОГО КУРСА**

В естественных науках фундаментальные положения и основанные на них требования, предъявляемые к усвоению соответствующих дисциплин, без труда могут быть *тематизированы*, то есть найти «тестовое», балло-рейтинговое выражение. Иная картина складывается в гуманитарных областях, таких как философия, история, культурология, литературоведение и т. п., где как раз самые принципиальные вопросы упрямо вызывают к очередным, даруемым трансгredientной позицией исследователя интерпретациям.

В прикладной лингвистике с ее набором нормативных требований, включающих умение пользоваться правилами соответствующей языковой «системы» (Соссюр) для корректного построения речевых высказываний, унификация образовательного процесса нужна и даже необходима. Сложнее обстоит дело в теоретической лингвистике, особенно в ее проблемной, открытой, нерешенной части.

Та же картина складывается и в литературоведении. В своем *систематическом* выражении, доступном монологическому изложению, «практическое» литературоведение, безусловно, подлежит «транспозиции» в систему зачетных единиц. Они вбирают в себя периодизацию, дифференциацию эпох по направлениям, классификацию авторов по школам, перечень биографических и историко-культурных данных, названия произведений и имена персонажей, сюжетные коллизии, составляющие содержание литературных произведений. Эти и другие наличные сведения охватывают ту область компетенции, которая предполагает усвоение объема «энциклопедической информации», необходимой для обеспечения искомого уровня профессиональной компетенции.

Концептуальное изложение курсов истории и теории литературы предполагает ознакомление студентов не только с наличной «базой данных», но и с *внутренними проблемами* литературоведения, остающимися открытыми для новых толкований. В свете этой продуктивной проблематизации вопрос о стандартизации системы оценок обучающихся существенно усложняется.

Смысл художественного образа формируется в его новаторской корреляции с традицией и традиционной — с новаторским, приходящим ему на смену литературным направлением.

Наглядной иллюстрацией невербализованного, имплицитно живущего в художественной наррации напряженного взаимодействия ценностных интенций может служить эпизод из философско-аллегорического романа Дэниела Киза (Keyes) «Цветы для Элджернона» (1966). Его главный герой, слабоумный от рождения Чарли, переживший с помощью врачей-нейрохирургов стремительный взлет своего интеллекта и последовавшую за ним столь же стремительную умственную деградацию, «успевает», прежде чем впасть в беспамятство, прочитать роман Сервантеса «Дон Кихот», но чувствует, что в процессе восприятия уже не схватывает чего-то существенного, составляющего *средоточие всякого художественного высказывания*: «Я прочитал книгу про человека, который думал, что он рыцарь и поехал с другом на старой лошади. Что бы он ни делал, всегда оставался побитым. Даже когда подумал, что мельницы это драконы (sic). Сначала мне показалось, что это глупая

книга, потому что если бы он не был чокнутым, то не принял бы мельницы за драконов и знал бы, что не существует волшебников и заколдованных замков, но потом вспомнил, что *все это должно означать еще что-то* — про что не пишется в книге, а только намекается (выделено нами. — А. Б.). Тут есть еще значение. Но я не знаю, какое. Я разозлился, потому что раньше знал».

Перманентно актуальным остается вопрос о возможности таких не упрощающих и не искажающих многозначность (семантическую, функциональную и диалогическую) художественного образа теоретических положений, которые могли бы быть адекватно определены и столь же адекватно усвоены. Творческое овладение универсальными литературоведческими механизмами, переведенными на язык понятий, позволит обучающимся не только дать правильный ответ на экзамене, но и самостоятельно применять их на практике к не включенным в программу или еще не созданным произведениям. Тогда решение столь же принципиального, сколь и болезненного для литературоведения вопроса о «сложности», «жизненности», «целостности» «неисчерпаемой полноте» художественного образа могло бы быть если еще не сформулировано, то намечено.

Изложение собственно проблемной части, составляющей исторический и теоретический нерв литературоведения как научной дисциплины, предполагает историко-теоретическую работу по выявлению и описанию механизмов, управляющих *сменой литературных направлений*.

Эти механизмы проявляются в том, что каждая последующая эпоха, продуктивно пользуясь трансгредиентностью, проницательно подмечает в предшествующей литературной системе то, что ускользало от внимания ее создателей. И не могло не ускользать, потому что *избирательность их мировидения*, определяя их ценностную позицию, обеспечивала сюжетно-композиционное единство и художественную целостность создаваемых произведений. В этой неудовлетворенности избирательным самоограничением предшествующего направления — движущая сила творческой эволюции.

В конструктивной полемике с замкнутостью *ближайшей* традиции новаторы обращаются к более *архаичным* формам культуры. В этих случаях учитывается степень самостоятельности нового исторического явления. Чем неувереннее оно себя чувствует, подавляемое непосредственной, еще слишком авторитетной традицией, тем более эпигонским, вторичным предстает по отношению к возрождаемой «архаике». Так, новаторство французских романтиков парадоксально проявилось в том,

что в борьбе с классицизмом, авторитетным представителем которого был Жан Расин, они апеллировали к Шекспиру.

«Интертекстуальность» предстает универсальной моделью встречи новаторского с традиционным: отсылка к предшествующим текстам выступает как отождествляющая, пародийная, либо идеализирующая интерпретация традиционных ценностей. Можно выделить три уровня межтекстовой поливалентности: 1) *прямая аналогия*, получающая выражение с помощью соответствующих синтаксических форм (например, «так, как...»); 2) *пародийное преломление* идеалов прошлого самой трагической сюжетной ситуацией (такова, к примеру, речь Дон Кихота, адресованная козопасам); *сатирическое преломление* явно отживших представлений; 3) *идеализация* оставшихся в прошлом ценностей как случай, противоположный пародийному преломлению. Таковы отчасти примеры объективирующих функций элегии, сатиры и идиллии, описанных Ф. Шиллером в статье «О наивной и сентиментальной поэзии».

Здесь, в этой наиболее живой и динамичной области литературоведения, и следует искать *смысл* литературного произведения, выводимого из сюжетобразующего взаимодействия старого и нового.

Схема «межкультурной коммуникации» (автор — читатель) существенно осложняется эвристическим взаимодействием тематизирующих усилий художественного задания и встречной проблематизирующей реакцией самостоятельного значения фабулы (события).

Тема (от греч. Thema) — то, что положено в основу. Владимир Даль различает предмет изображения и «положенье, задачу, о коей рассуждается или которую разъясняют». «Разъясняющее рассуждение» предполагает селекцию значимых для данного «сообщения» элементов действительности и их сюжетно-композиционную организацию. Ю. М. Лотман в статье «„Пиковая дама“ и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века» поставил вопрос о возможности своего рода реестра тематизируемых фабульных ситуаций: «В зависимости от природы той или иной реалии, ее структуры, функции, частоты упоминания в тексте и внешнего вида превращение ее в текстовую тему может стимулировать определенные пути ее художественного функционирования: одни темы становятся формами моделирования пространства («дом», «дорога»), другие — внутренней структуры коллектива («строй людей», «парад», «палата № 6», «тюрьма»), третьи — природы конфликтов («дуэль», «бой», «игра»)»¹⁵.

¹⁵ Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки. 1960–1990. «Евгений Онегин», Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 1995. С. 787.

Упорядочение пространственного, временного и смыслового содержания события находит дискурсивное выражение в «проекции принципа эквивалентности с оси селекции на ось комбинации»¹⁶. «Ось селекции» — «объективная реальность». «Ось комбинации» — структура художественного текста.

Между тем, в пространстве «большого исторического времени» литература ретроспективно раскрывается как непрерывный процесс ценностного переосмысления тематизированных когнитивно-хронологических моделей. Но если каждое литературное направление вербализует свое видение мира, что представляет собою художественное высказывание «само по себе», независимо от тех «рецепций», которыми оно со временем обрастает? Этим вопросом задался М. Хайдеггер. В работе «Бытие и время» он мимоходом отклонил все наличные интерпретационные версии, призвав к непосредственному истолкованию литературного произведения: «В исторических науках о духе порыв к самой исторической действительности напрямую через предание с его представлением и традицию усилился: история литературы должна стать историей проблем»¹⁷.

Если мы правильно понимаем Хайдеггера, «история проблем» должна предстать историей художественной объективации сюжетных конфликтов, ибо всякая объективация проблематизируется во времени другими, не менее правомерными точками зрения.

Хайдеггер предлагает, минуя опосредующие наслоения в виде наработанных интерпретационных моделей, «напрямую» обратиться к реальности художественного текста. Сегодня очевидно, что такой имманентный подход, изымающий «художественное высказывание» из системы соотносительности, упрощает, а не решает вопрос об объективном значении литературного произведения. Вместе с тем радикализм философа понятен. За ним скрывается потребность отвлечься от замутняющих «картину мира» вне или окололитературных фактов и сосредоточиться на «проблеме человека» как таковой.

Проблематизация, противопоставляемая Хайдеггером тематизации, мотивируется «безосновностью» (Ungrundung) человека, пребывающего в самом средоточии жизненных конфликтов. Согласно Мартину Буберу, «превосходяще-доверительное оперирование противоположностями не дано тому, кто, несмотря на его подобие Богу, участвует

¹⁶ Бубер М. Образы добра и зла // Бубер М. Два образа веры. М., 1999. С. 168.

¹⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков, 2003. С. 25.

только в сотворенном, а не в творении, кто способен лишь к зачатию и рождению, а не к сотворению»¹⁸.

Нас интересует та проблемность, которая в исторической ретроспективе раскрывается познающему сознанию как очередной тупик, обесценивающий некогда найденное решение. Понимание его относительности — побудительный мотив для продолжения поисковой работы. Однако «когнитивный порыв» парализуется презумпцией, что новое решение подвергнется той же участи, что и предшествующие — проблематизируется в очередной раз изменившейся «картиной мира». Уничтожение в «долговой тюрьме истории» (Фаулз) компенсируется «лишь» возвышением *исторического сознания до исторического самосознания*.

Тематизация проблемы — эстетическая объективация «проблемы человека».

Проблематизация темы — радикальная ревизия ценностной интерпретирующей позиции.

Парадигма корреляций темы и проблемы задается на заре европейской культуры мифами об Оресте и Эдипе.

Миф об Оресте (матереубийце) реализует универсальную *тему* становящегося человечества, этическое долженствование исторического императива: «Отношение детей к родителям, — пишет Гегель, — покоится на естественном единстве, союз же мужа и жены должен быть постигнут как брак, который происходит не только из чисто природной любви, из родства по крови, по природе, а проистекает из сознательной склонности и тем самым принадлежит свободной нравственности самосознательной воли»¹⁹.

Миф об Эдипе (отцеубийце) — вторжение регрессивно иррационального в эволюционные проекты. Все сознательные попытки Лаия и его злосчастного сына избежать страшного пророчества роковым образом приводят к противоположному результату. С точки зрения аналитической психологии этот парадокс — невротическая реакция бессознательного на непосильные требования жизни, превосходящие своей сложностью разрешающие способности сознания: «Трагедия Эдипа коренится в ограниченности, свойственной человеческому знанию как таковому», — комментирует авторитетный исследователь античной литературы²⁰.

¹⁸ Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «За» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 204.

¹⁹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. М.: Искусство, 1968. Т. 2. С. 175.

²⁰ Ярхо В. Н. Трагический театр Софокла // Софокл. Драмы. М.: Наука, 1990. С. 484.

Мифы об Эдипе (архетип родового начала) и Оресте (архетип исторического становления) задают алгоритм всем грядущим конфликтам европейской культуры от античности до наших дней. Маятниковый механизм смены онтологических и трансцендентальных эпох обуславливает последовательную смену античности — средневековьем, средневековья — Возрождением, Возрождения — классицизмом, классицизма — Просвещением, Просвещения — романтизмом, романтизма — реализмом, реализма — модернизмом (символизмом, футуризмом, экспрессионизмом, сюрреализмом и др.), модернизма — экзистенциализмом, экзистенциализма — постмодернизмом.

Мифы об Эдипе и Оресте символически определяют «промежуточное» положение человека между двумя теоретическими пределами: трансцендентальным и онтологическим. В них, как в бутонах, свернута перспективно раскрывающаяся история мытарств души, на которые обрекают ее «условия человеческого существования», «conditions humaines» (Б. Паскаль).

Онтологическая невинность предшествует рождению. К ней возвращают испытывающего «ужас» перед Историей (М. Элиаде) человека все разновидности западного и восточного мистицизма: «Многие религиозные люди поддаются искушению отождествлять восприятие неба, или восприятие бытийного мира, с регрессией к детству или к невежественной невинности, или, другими словами, с возвратом в Эдем до момента вкушения запретного плода, что практически одно и то же. Это то же самое, что утверждать: только знание делает человека несчастным»²¹.

Трансцендентальный императив Платона и Аристотеля, Спинозы и Канта, напротив, отрывает человека от мира «воли», приглашая вступить в мир «представления» (Шопенгауэр).

Историко-психологический «маятник» колебаний от Эдипа к Оресту, от «воли» к «представлению», от «эстетики» к «этике», составляет содержание мировой культуры, непрерывно возобновляет спор «древних» с «новыми», «архаистов» с «новаторами». Так вечно конфликтуют «бытие-к-смерти» и «бытие-к-рождению» — инстинктивное стремление «пессимизма юношеских сил» (Ницше) к телесности с противоположным стремлением оптимизма старческого бессилия к духовности. Тоска по «потерянному раю» пренатального существования, определяет, как показал Томас Манн, драму Гете и Толстого. Экстатический порыв к высотам духа отличает жизнь Шиллера и Достоевского. Первых Томас Манн называет «детьми рая», вторых — «детьми ада».

²¹ Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. С. 245.

Этим двум полюсам соответствуют два главных события человеческой жизни: рождение и смерть. Конфликт сознательной жизни разворачивается между этими пределами, обеспечивая необходимое эмоциональное и творческое напряжение.

Трагический отцеубийца Эдип до поры не ведает смысла владеющих им побуждений. За фатальной неотвратимостью его поступков скрывается инстинктивное, из глубин его существования поднимающееся стремление возвратиться в состояние, величественно воссозданное в Тибетской «Книге мертвых»: ведь очередному воплощению предшествовал ужас кармической бури, от которого душа в беспмятных метаниях по загробному царству чаяла «спастись», обретя убежище в чревелотосе.

В «Психологическом комментарии» к Бардо Тедол К. Г. Юнг остроумно замечает, что вся фрейдистская психоаналитика по-прежнему движется назад, ограничиваясь «чревом», сводя необозримую область бессознательного к миру сексуальных фантазий. Она не «рискует», в силу своей односторонне понятой «материалистической» установки, продвинуться «дальше», то есть вперед, к Чикай Бардо — царству трансцендентального, встречающего человека вскоре после его смертного часа: «Здесь (в области Сидпа Бардо — Бардо Ожидающего Рождения, — А. Б.) западное мышление достигает своего предела, к сожалению. Я говорю «к сожалению» потому, что очень бы хотелось, чтобы фрейдовский психоанализ мог жизнерадостно проследовать еще дальше в эти внутриутробные переживания: если бы он преуспел в этом смелом предприятии, мы бы наверняка прошли сквозь Сидпа Бардо и проникли бы с обратной стороны в нижние пределы Хониид Бардо (Бардо Кармических Наваждений. — А. Б.)». И далее: «Верно, конечно, что с теперешними биологическими идеями подобное приключение никогда бы не было увенчано признанным успехом: для этого потребовалось бы совсем иное философское обеспечение, чем то, которое базируется на современных научных допущениях»²².

Если миф об Эдипе символизирует регрессивно-охранительное влечение к онтологическому, миф об Оресте — прогрессивно-революционный порыв к трансцендентальному.

В исторической перспективе Эдип — это Орест, уклоняющийся от ответственности перед будущим посредством «мистического соучастия» — *participation mystique* (Леви Брюль), психологического возвращения в

²² Юнг К. Г. Психологический комментарий // Тибетская «Книга мертвых». М., 1992. С. 83.

материнское лоно, о котором его «наследственная память» (Пруст) хранит воспоминание как об онтологическом рае.

Образ Ореста ассоциируется с культурой и цивилизацией, образ Эдипа — с природой.

Судьба Ореста — конструировать гносеологические модели.

Судьба Эдипа — претерпевать психические конфликты, бушующие в недрах «Оно».

Орест — порождение аполлонического начала, Эдип — дионисийского.

Орест — эволюционен, Эдип — инволюционен.

Орест — этичен, Эдип — эстетичен.

Орест освящает своим авторитетом «науки о духе», Эдип — «науки о природе».

Экстравертный Орест «разбрасывает камни», интровертный Эдип «собирает» их. В спорах о «древних и новых» Орест мог бы служить образцом для новых, Эдип — для древних.

Субъектно-объектные анимистические отношения, рациональный тип мышления, находятся в ведении Ореста, объектно-субъектные отношения и интуитивный тип мышления — в компетенции Эдипа.

Орест — прототип садического типа, Эдип — мазохистского. Во «Введении в психоанализ» З. Фрейд замечает: «Садизм имеет более интимное отношение к мужественности, а мазохизм к женственности, словно здесь имеется какое-то тайное родство»²³.

Под знаком экстравертной устремленности в будущее воплощают свои чаяния «эволюционные» эпохи культуры: Возрождение, классицизм, Просвещение, «революционный классицизм», движение «бури и натиска», реализм, атеистический экзистенциализм и т. п.

Под знаком интровертной регрессии в прошлое «претерпеваются» эпохи безвременья, кризисов и перерождений. На них приходится труд переоценки ценностей и поиск новых путей. Таковы средневековый мистицизм, барокко, сентиментализм и руссоизм, демонический романтизм, эстетизм, символизм и все разновидности модернизма. В «Дуинских Элегиях» Р. М. Рильке элегически воспекает «счастье малой твари», не покидающей материнского лона Природы, которому завидует экзистенциально «безосновный» (Ungrunden) человек:

О, тихое блаженство малой твари,
Не покидающей родного лона...

²³ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. С. 364.

«Божественная комедия» Данте — классический образец *аллегорического* преобладания тематизации над проблематизацией: проблематизация, стремящаяся разрушить иерархический мир Комедии, метафорична и провоцирует растерянность поэта. Таковы проблематизирующие христианский априоризм эпизоды встречи Данте с Паоло и Франческой, Фаринатой и Кавальканти, Одиссеем и др.

«Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, напротив, пример *метафорического* преобладания проблематизации над тематизацией.

«Дон Кихот» Сервантеса — *диалог* рыцарского и плутовского романов. Вступив со своими «полуистлевшими» (Тургенев) достижениями в исторический мир, Дон Кихот вынужден признать, что его представления о всеобщем нуждаются в народно-мудрых фольклорных коррекциях Санчо Пансы.

Санчо, вступившему в мир культуры с наивно-прагматическими представлениями о выгоде и благополучии, приходится признать их вторичность по сравнению с исповедуемой Кихотом идеей всеобъемлющей человечности.

Диалог героев Сервантеса воспроизводит дилемму двух основных философских направлений Нового времени — спекулятивной и эмпирической: «завороженность идеями» обесценивает мир объектов, «завороженность объектом» обесценивает мир идей. Метафизическое содержание *диалога* Дон Кихота и Санчо символизирует *взаимообусловленность* этих философских традиций, превращающих роман в произведение, главным событием которого становится *проблема познания*.

Шекспировский театр *символизирует* взаимообусловленность мифологии и истории.

Если гармония переживается как «золотой век» в прошлом и если исторические характеры и обстоятельства, несмотря на все свое своеволие, не в состоянии ее поколебать, возникает комедия.

Если же исторические характеры и обстоятельства разрушают «мировую гармонию», возникает трагедия.

Герой шекспировских *трагедий характеров* манифестирует свое мифологическое (архаичное) сознание, безуспешно пытающееся утвердить гуманистические ценности в царстве разрушительной исторической изменчивости. Таковы Гамлет, Отелло, король Лир, Тимон Афинский и др. До поры, нередко вплоть до трагической развязки, они мыслят и поступают так, как если бы продолжали жить в мифологическом времени.

В трагедиях *обстоятельств*, напротив, герой заявляет о себе как о носителе исторического сознания. Борясь за всестороннее самоутверждение, он провоцирует ответную, охранительную, реакцию мировой гармонии. Таковы Ричард III, Клавдий, Полоний, Макбет, Яго, Эдмонд и др. Все это — яркие исторические характеры, деятельность которых, однако, разрушительна по отношению к целому и которым рано или поздно предстоит столкнуться с охранительной реакцией «мировой гармонии».

Трагические характеры и обстоятельства взаимообусловлены. Символическая природа этой взаимообусловленности порождает фабульный конфликт, а его эстетическая оценка определяет сюжетно-композиционное соотношение комического и трагического: комичны близорукие посягательства исторических характеров на «мировую гармонию», но трагичны их преступные усилия (Гамлет, Отелло, Макбет и др.) утвердить «обратную сторону титанизма» Возрождения. Трагичны усилия наивных мифологических характеров восстановить разорванную историческим временем «всеопоясывающую цепь бытия», но комично их непонимание необратимости временного потока (Лир, граф Глостер и др.).

Героические трагедии Пьера Корнеля — пример рационалистической тематизации проблемы барочного человека, вовлекаемого историей в новую для него, более сложно организованную социальность — государственность. Любовные трагедии Жана Расина — пример янсенистской проблематизации героического характера корнелевского типа.

Развенчивающий пафос романа Толстого «Война и мир» заявляет о себе пародийной проблематизацией всех рассудочных построений, игнорирующих творческое своеволие жизни. Такова нереализованная диспозиция Вейротера, составленная им накануне Аустерлицкого сражения.

Слепой преднамеренности Вейротера, не учитывающей спонтанных передислокаций как в расположении неприятеля, так и в расположении союзников, Толстой противопоставляет «текучесть» жизненных процессов, проблематизирующих априоризм всех умозрительных проектов и теоретических расчетов.

Столь же отвлеченна и диспозиция «великого стратега» Наполеона в канун Бородинской битвы: «Диспозиция эта, весьма неясно и спутанно написанная, — ежели позволить себе без религиозного ужаса к гениальности Наполеона относиться к распоряжениям его, — заключала в себе четыре пункта — четыре распоряжения. Ни одно из этих распоряжений не могло быть, и не было исполнено».

«Общая идея» Толстого формулируется так: «Провидение заставляло всех этих людей, стремясь к достижению своих личных целей, содействовать исполнению одного огромного результата, о котором ни один человек (ни Наполеон, ни Александр, ни еще менее кто-либо из участников войны) не имел ни малейшего чаяния». Впрочем, чрезмерная, исходящая от жизни проблематизация человеческих намерений чревата фатализмом или абсурдом.

Тематизирующий отбор событий обеспечивается «общей идеей». В этом принципиальное отличие тематизации от традиционализации, сводящей к минимуму предварительный труд осмысления внутренней диалектики события — «сюжета-ситуации» (Пинский).

Проблематизирующая авторская установка может стать не менее тенденциозной, чем монотонная тематизация, воссоздающая «абсурдное» бытие, деструктивное по отношению к любой гносеологической модели.

Непрерывно обманываемое ожидание так же мало поучительно, как и безошибочно оправдываемый прогноз.

«Философские повести» Вольтера монотонно деконструируют идею «предустановленной гармонии» Лейбница. «Семейные романы» Ричардсона монотонно тематизируют идею добродетели. Логика «испытательных романов» Просвещения предсказуема не менее, чем сюжетные ходы романов «антивоспитания», развенчивающие поэтику добродетели с позиции просвещенного либертинажа. Становление героя, несмотря и вопреки всем воздвигаемым жизнью препятствиям, тематизируется в романах «Жан-Кристоф» Ромена Роллана, «Нарцисс и Гольдмунд» и «Игра в бисер» Германа Гессе, где судьбы двух оппонентов, Кнехта и Плинио Дезиньори, предопределены художественным заданием.

Тяготеющие к тенденциозности тематизация и проблематизация продуктивно взаимодействуют лишь в сюжетобразующем *диалоге*, снимающем безысходность монологической завершенности.

Проблематизация темы становится возможной в результате обретенной автором трансгredientности, которая открывает перед ним варианты иной судьбы героя, а в дальнейшем — принципиально иного строя жизни, нового принципа взаимодействия фабулы и сюжета.

Необходимость проследить судьбу героя в беспрецедентных социально-исторических условиях открывает перед автором новые, беспрецедентные возможности сюжетостроения.

«Семья Тибо» Роже Мартен дю Гара — поучительный пример столкновения тематизации становления героя (Жака Тибо), воссоздан-

ной в традициях воспитательного романа, и проблематизации этой традиции во второй книге («Лето 1914 года»), когда герою предстоит занять самостоятельную позицию в эпицентре событий кануна первой мировой войны. Творческий кризис, пережитый автором после выхода в 1929 г. части «Смерть отца», свидетельствует об огромных трудностях, возникших перед писателем, ищущим оптимальные формы сочетания тематизации и проблематизации. Между последней частью «традиционного» семейного романа и нетрадиционного для Гара социально-психологического события, к которому у него не было подходов, прошло семь лет, наполненных драматическими поисками (с уничтожением рукописных вариантов) пути дальнейшего развития сюжета.

Диалогические романы XX века предлагают варианты художественно продуктивного сочетания темы и проблемы. В них авторский «избыток видения» претворяется в осознающее свою относительность историческое самосознание, что позволяет, с одной стороны, избежать деструктивного по отношению к жизни «рокового теоретизма» (Бахтин), а, с другой — разрушительного по отношению к традиции нигилизма.

Будущее литературы за такими текстами, которые представляют собой открытое, нетенденциозное взаимодействие тематизации и проблематизации, преднамеренного и непреднамеренного, замысла и воплощения. Они служат художественной иллюстрацией продуктивного диалога гносеологических моделей со своевольной эмпирической реальностью. Вторгаясь в объективный мир, поступок, пусть хотя бы незначительно, изменяет его. Изменение картины мира вызывает к новому переосмыслению, следствием которого становится очередная модификация сознания. Явленное в поступке единство субъективного и объективного генерирует непрерывный процесс познания.

Ответственный поиск единственно возможного «в рамках своей ситуации» (Ясперс) выхода из альтернативно-монологических тупиков стоит отличать от эпатажирующих трагедий философского и литературного постмодернистского парадоксализма. Так, в книге Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип» радикальному переосмыслению подвергается архетипический образ Эдипа. Под пером авторов Эдип, ипостась «природного регистра жизни», превращается в представителя «последней покорной и частной территории европейского человека», выразителем репрессивного духа семейных отношений и тоталитарной идеологии капитализма²⁴.

²⁴ Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип. М., 1990. С. 35.

Игра в гротескные переосмысления и парадоксальные инверсии позволяет и Ореста преобразовать в консерватора: этот «матереубийца», отвергающий аграрную культуру во имя урбанистической, поощряет развитие техники, которая ведет к окончательному порабощению человека демоном глобализма.

А. И. Демченко

УТОЧНЯЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ (проблема вузовских курсов)

В определении протяженности эпохи Возрождения исследовательская литература дает весьма широкие колебания. Но, в конечном счете, ее временной масштаб определяют обычно тремя столетиями: XIV, XV и XVI-е. Главным образом это относится к Италии, где все, что касается Ренессанса, выразилось с наибольшей последовательностью и полнотой. Тем не менее, до сих пор в отношении хронологии остается немало спорного, а в связи с ней не до конца проясненным оказывается и вопрос участия различных регионов в художественных процессах, проходивших под эгидой идей Возрождения. С этой точки зрения в данной статье нас будут интересовать только два момента — нижняя граница Ренессанса и его верхняя граница.

Что касается нижней границы, то здесь естественно начать с явления итальянского изобразительного искусства, именуемого Проторенессансом. У художников пробуждается интерес к реальному миру и реальному человеку, а вместе с тем и к наследию Античности. Сквозь так или иначе сказывающийся средневековый канон (с его условностью) все отчетливее прорывается непосредственное ощущение позы, жеста, выражения лица. Наглядный, жизненно достоверный художественный язык позволяет вдохнуть в изображения материальную осязаемость воссоздаваемых земных образов. С мягкостью и плавностью линий входит то чувство человеческого достоинства, которое будет отличать этический тонус искусства Возрождения. В скульптуре разрабатываются приемы объемно-пластической лепки фигур, вводятся сложные повороты и разнообразие типов движений. Живопись осваивает реальное цветовое богатство мира и, преодолевая «византийскую манеру», овладевает светотеневой моделировкой, средствами передачи пространства.

Раньше всего качественный скачок произошел в скульптурных рельефах Никколо Пизано, создававшихся около 1260 г. Достаточно «массовый» характер проторенессансное движение приобрело двумя десятилетиями позже, в 1280–90-е годы, когда выдвинулось следующее поколение, которое возглавили Арнольфо ди Камбио в скульптуре, Чимабуэ и П.Каваллини в живописи. Подытожил достижения художников времени Дученто (XIII столетие) и открыл своим искусством век Треченто (XIV столетие) Джотто ди Бондоне. В его фресковой живописи впервые произошел безусловный разрыв со средневековой традицией. Отказ от плоскостного изображения, характерного для иконописи, построение реального трехмерного пространства с учетом перспективы, звучная колористическая гамма — все это выражало новые представления о жизни. Он щедро насыщает свои фрески пейзажем и бытовыми деталями, с видимым наслаждением пишет животных и птиц, чем выявляет искренний интерес к земному, материально-предметному миру. Но главное — жизненная достоверность в изображении человека, его чувств и переживаний. С творчеством Джотто в живопись входит понятие психологизма, который он часто подчеркивает посредством заостренного контраста сопоставляемых состояний. Для своего времени произведение этого художника были огромным, удивительным достижением. По оценке Леонардо да Винчи, он «превзошел не только мастеров своего века, но и всех за многие прошедшие столетия». Не случайно в творчестве его последователей произошел временный отход к более консервативным формам выражения. Тем не менее, путь к стилистике Возрождения был проложен в изобразительном искусстве окончательно.

Сказанное позволяет при всех чертах переходности видеть в Проторенессансе начальную стадию эпохи Возрождения (что заложено в самой структуре данного термина — Предвозрождение) и относить далекие истоки Ренессанса на итальянской почве к 1260-м годам.

Примерно в те же годы в Италии возникло литературное движение *Dolce stile nuovo* («Сладостный новый стиль»). В этом обозначении примечательны оба прилагательные. Слово «новый» (*nuovo*) встречается на заре Возрождения неоднократно, фиксируя принцип отталкивания нарождавшегося искусства от эстетических установок предшествующего периода. *Dolce*, кроме основного значения (*сладостный*), имеет в переводе и другие оттенки (*приятно, нежно, ласково*), что вкупе демонстрировало противостояние суровости и аскетизму Средневековья.

Поэты этого первого в истории творческого содружества, отвергнув латынь (основной язык средневековой словесности), стали изъясняться на родном наречии и сделали шаг к всецело светской культуре

Возрождения. Шаг этот был связан главным образом с воспеванием любви и с раскрытием психологии влюбленного. Любовь для «дольчистов» — чувство возвышенное, но земное, понимаемое как высшее проявление духовного богатства человека. Через образ возлюбленной («мадонны») происходит возвеличение человеческого существа до божественных высот. Родоначальник и глава направления Г. Гвиницелли (родился между 1230 и 1240, умер в 1274 или 1276) настаивает на своем праве по отношению к даме сердца «пользоваться сравнениями, подобающими хвалам, обращенным к Господу и Богоматери».

К поэтической школе *Dolce stile nuovo* принадлежал и молодой Данте Алигьери. Именно тогда он создал первую из двух основных своих книг, название которой можно считать программным для восходящей эпохи — «Новая жизнь» (закончена в 1293). И хотя писал Данте о своей любви к юной Беатриче (то есть о сугубо личном), любовь эта трактовалась как огромная объективная сила, обновляющая мир. Исходную ситуацию «Божественной Комедии» (1307–21) и для себя как индивида, и для человечества в целом, поэт представляет следующим образом: устремление из мрака, дикости и бедствий (так воспринимается прежняя жизнь) в царство света, гармонии и справедливости. На этом пути его сопровождает тень римского поэта Вергилия, который выступает олицетворением мудрости и человечности, чем отмечается столь характерное для нового времени преклонение перед Античностью. Данте воспользовался средневековым жанром «видения» (повествование о сверхъестественном откровении или о путешествии в загробный мир), но через трансцендентное он в сущности моделирует земной мир в его контрастных ипостасях с движением от Зла к Добру. И даже, казалось бы, унаследованная от Средневековья «магия чисел» (во всех подробностях раскрытая в исследовательской литературе неукоснительная цифровая логика «Божественной Комедии») скорее предвосхищает свойственный Ренессансу рационализм художественного мышления в его сочетании с эмоционально-лирической проникновенностью. Ведь по Данте, причина всего и вся — любовь. Поэтому заключительным аккордом этой философской эпопеи становится фраза «Любовь, что движет солнце и светила».

Данте сыграл для итальянской литературы ту же роль, что и Джотто для живописи, и есть нечто закономерное в том, что они были почти ровесниками. Однако следует признать, что для поэзии полное и окончательное отмежевание от шлейфа Средних веков произошло только в творчестве Ф. Петрарки (середина XIV века).

Свои нюансы в становление эпохи Возрождения внесло музыкальное искусство. И здесь появился соответствующий термин: *Ars nova*. Хронологически его обычно соотносят с XIV столетием. Но следует учесть, что «Новому искусству» предшествовали важнейшие процессы развития многоголосия и светских музыкально-поэтических жанров. Многоголосие, как известно, зародилось в европейской профессиональной музыке на стадии Позднего Средневековья, но длительное время пребывало в эмбриональном состоянии и только на выходе в Раннее Возрождение стало обретать достаточную художественность. Подобно сдвигам в живописи, на смену «плоскостному» характеру монодии приходит объемность и «пространственность» многоголосного звучания с его колоссальными выразительными возможностями гармонии и полифонии. В отношении развития светских музыкально-поэтических жанров чрезвычайно показательным наследием такого «синтетического» художника, каким был Адам де ла Аль. Его драматургические опыты (наиболее известны «Игра в беседке», 1262, и «Игра о Робене и Марион», 1283) — вольные, причудливые театральные композиции, основанные на смелом соединении возвышенной поэзии и бытовой сатиры, одухотворенной лирики и почти скабрезного юмора. Сочетание литературного текста, музыки, танца и сценического движения создавало далекий и пока еще смутный прообраз комической оперы.

Оба отмеченные явления (многоголосие и светские жанры) с наибольшей интенсивностью развивались во Франции. Там же раньше всего были сформулированы принципы *Ars nova* (теоретические аспекты — Филипп де Витри, практическая реализация — Гийом де Машо), которые затем распространились на Италию (здесь выделилось творчество Ф.Ландино) и другие страны (к примеру, Нидерланды, где едва ли не первым известным нам композитором стал Й. Чикониа). Считая данный художественный массив несомненной принадлежностью эпохи Возрождения, мы сталкиваемся с одним из свидетельств того, что отнюдь не все в истории ренессансного искусства имеет своим первоисточком Италию.

Новизна *Ars nova* в сфере выразительных средств явственно отражала коренные изменения в психологии человека, пробуждение у него реального, чувственного ощущения жизни. Ритмика становится гибкой, разнообразной, динамичной, передавая живость настроения. Звуковая ткань отличается стихийностью движения голосов, их рассогласованностью, свободным применением диссонансов — в этой специфике ранней полифонии Ренессанса нашли своеобразное преломление проявления раскрепощающейся человеческой природы. В плане «разноголосия» показателен жанр мотета, где каждый из голосов мог выступать не только со

своей мелодией, но и со своим текстом различного содержания и даже на разных языках.

Образцы музыки XIV века нередко отличала особая чистота и прозрачность звучания с его изысканным метроритмом и «акварельными» красками, что способно вызвать ассоциации с тонкими и хрупкими побегами начальной поры жизни. Гегель назвал Возрождение «утренней зарей» современной культуры и более всего это относится к исходным этапам восходящей эпохи, которые несли в себе нечто от ранней весны и детски-отроческого состояния духа. Подобные веяния в музыке *Ars nova* живо напоминают настроенность юношеской книги Данте «Новая жизнь», где воссозданные чувства трогательны в своей свежести и наивности. В поэзии его собратьев по *Dolce stile nuovo* отмечают и другой оттенок, когда говорят, что она «благоухает весенней свежестью». Тот же мотив встречаем в армянской литературе рубежа XIV века. Скажем, в стихотворении К. Ерзнкаци «Весна» прежняя жизнь сравнивается с зимой, тьмой, тюрьмой, а новая — с весной, светом, волей. Кстати, в этом стихотворении декларируется и будущее название эпохи: «Чтоб петь **возрождение** в песне своей...».

Рассмотрев музыкальное искусство и упомянув внеитальянские территории, обратимся для большей полноты аргументации еще к двум регионам, где по-разному сказались флюиды Ренессанса.

Искусство православного мира по ряду причин оказалось ко времени Возрождения на периферии мирового художественного процесса, его развитие замедлилось, многое оставалось в рамках средневековых традиций, подчиняясь давно установившимся канонам. Однако даже при этой, явно возобладавшей инерции сдвиги все-таки происходили, что отчетливее всего заметно в живописи. Если христианская икона, а также мозаика и фреска Раннего Средневековья, шла от образа к лику, от конкретного изображения к условности и отвлеченности, то на этапе Позднего Средневековья начинается обратное движение: от канона и лика ко все более непосредственно воссоздаваемому жизненному облику. Иконографические изображения как бы оживают, приобретая естественность и непринужденность. Появляются живые лица, объемным становится контур фигур, они наполняются движением. Эти перемены хорошо ощутимы в византийской иконе рубежа XIV столетия, а также в венецианской иконописи, развивавшейся в русле византийской традиции.

Среди мастеров переходного времени ярким, ошеломляющим новаторством выделился Феофан Грек, который начинал в Византии, а вторую родину обрел на Руси. Под его воздействием в местных школах живописи (особенно в Новгороде) пробудилось тяготение к динамизму и

свободе композиции, к неожиданности и остроте ракурсов, к обогащению колорита. В иконографические схемы вторгается реальная жизнь — в изображениях появляются животные, пейзаж, архитектурные фоны, бытовые подробности. Эти поиски закономерно подвели к творчеству Андрея Рублева (начало XV века). Внешне оно как бы подчинено традиции и канону, однако по внутреннему своему содержанию это явление совсем иного порядка. Суть в том, что условность иконописного изображения Рублев преобразует в высокую обобщенность — а это как раз тот признак, которым определяют лучшие произведения итальянской живописи Ренессанса (причем в полной мере — на стадии Высокого Возрождения, то есть почти столетием позже Рублева). И еще одно коренное свойство сближает живопись нашего соотечественника с искусством художников Ренессанса — гуманизм. Так, в его образах не остается и следа от неприступности святых предшествующего времени. Всем своим существом они обращены к людям, несут на себе печать глубокой человечности, что достигается проникновенным лиризмом настроения, мягкостью и поэтичностью линий, благозвучием и чистотой палитры, дающей ощущение просветленной гармонии.

Другое региональное явление, на которое хотелось бы обратить внимание — фарси-язычная поэзия. На центральной фазе Средневековья Восток явно опережал Европу во многих областях, в том числе и в сфере художественных достижений. Здесь намного раньше начали вызревать и те идеи, которые со временем станут определять как ренессансные. В частности термин «гуманизм» появился там в середине XIII века, то есть за два столетия до его возникновения в среде итальянских интеллектуалов. И уже с середины XIII-го в утверждении достоинства и могущества индивида литература на фарси поднимает личность до высот обожествления (с полной отчетливостью в творчестве Руми). Симптоматично, что со времен Руми поэты Среднего Востока начинают постоянно называть в стихах свои имена, что служило свидетельством резко возросшего самосознания художника (это было одной из ярких примет и европейского Возрождения). Уважение к людям, сочувствие и сострадание к ним начинает входить в мироощущение важнейшей составной частью. Поэт Саади (именно он ввел термин «гуманизм») дает в той же середине XIII века категорическую формулу: «Если ты не печалишься о страданиях других, ты не достоин называться человеком».

В мироощущении эпохи бурно вторгается радостное упоение жизнью, поднимается настоящий бунт против всякого рода запретов и ограничений, отвергается аскетическая мораль и посулы загробного существования, утверждается право жить полнокровной земной жизнью с ее

грешными усладами, причем по части вольнодумства восточные поэты были подчас смелее своих европейских коллег (эта линия нашла кульминационное выражение в творчестве Хафиза). И, наконец, главное в литературе Среднего Востока (то, что стало главным и для европейской лирики Возрождения) — многогранная обрисовка чувства любви. Оно понимается как состояние, наполняющее жизнь человека содержанием и смыслом, как высшее проявление человечности (по Навои, «любовь — душа души»). И подобно тому, как было это у итальянских поэтов (начиная с *Dolce stile nuovo*), в атмосфере раскрепощенности и свободомыслия чувство любви и возлюбленная часто сопоставляются с верой, святынями, Богом.

Возвращаясь к искусству Европы и его хронологическим параметрам, необходимо подробнее остановиться на таком важнейшем явлении как готика. В исследовательской литературе мы сплошь и рядом сталкиваемся с его рассмотрением в координатах Средневековья. Корни подобного представления восходят к эпохе Возрождения. Итальянские гуманисты с неодобрением отнеслись к этому стилю, считая его порождением варваров и обозначив термином *maniera gotica*, хотя на самом деле к готам он никакого отношения не имел. Сказалась эстетическая позиция неприятия стиля, который не совпадал с утверждавшейся тогда основной тенденцией итальянской художественной культуры этого времени. Наша удаленность от той эпохи позволяет отстраниться от «злобы дня» и взглянуть на проблему взаимоотношений готического стиля и Возрождения более объективно.

Припомним некоторые факты. В техническом отношении элементы готики вызревали с середины XII века, то есть на стадии Позднего Средневековья, но эстетически ее система сформировалась не ранее середины XIII-го. Допустим, такой значительный памятник ранней готики, как собор Нотр-Дам в Париже (основное строительство закончилось в 1257) еще явно несет на себе отпечаток романского стиля, что указывает на сохранившиеся связи со средневековым зодчеством. Но это момент «ретроспективы», а с точки зрения перспективы оказывается, что во Франции, стране классической готики, готические храмы воздвигались в течение всей эпохи Возрождения. В Англии, например, расцвет готики длился до середины XVI столетия. В Нидерландах традиции готического искусства сохранялись даже в XVII-м, а строительство некоторых готических сооружений продолжалось в Европе и позже (знаменитый Кельнский собор, начатый в середине XIII века, завершён только в 1880 году).

В готическом стиле повсеместно возводились не только церковные постройки, но и всевозможные светские сооружения — от ратуш и зда-

ний гильдий до торговых рядов и мостов. Готика чрезвычайно широко охватила, помимо архитектуры, и скульптуру, живопись, графику, искусство витража, декоративно-прикладные формы. Более того, аналогии с этим стилем возможны и за пределами пластических искусств. В частности с готикой отождествляют конструкцию «Божественной Комедии» Данте, называя ее «величественной готической громадой». Близкие сравнения приводятся и в адрес многосоставной архитектоники «Декамерона» Боккаччо. Очень любопытны искания представителей нидерландской полифонической школы, которые подобно готическим зодчим соединяли в своих музыкальных композициях рационально-интеллектуальное начало с прихотливой фантазией и создавали грандиозные звуковые напластования, напоминавшие силуэты готических соборов.

Влияние соответствующей эстетики в различной мере затронуло творчество множества тех мастеров, которые составляют цвет Северного Возрождения, среди них — Рогир ван дер Вейден, Босх, Дюрер, Нитхардт, Кранах, Альтдорфер, Бальдунг Грин и т. д. (стоит подчеркнуть, что названы художники второй половины XV и первой половины XVI века, то есть завершающего периода Ренессанса). Нелишне отметить готизирующие тенденции и в искусстве Италии, этой страны Ренессанса. Уже упоминавшийся Никколо Пизано после проторенессансной по стилю кафедры баптистерия в Пизе (около 1260) переходит в последующих произведениях к готической манере, а его сын Джованни продолжил именно готическую линию творчества отца. Плодотворное дление этой линии ощутимо даже у Донателло, создавшего первые классические образцы ренессансной скульптуры. В итальянской живописи готическая традиция, утвердившаяся в начале XIV века в творчестве С. Мартини, продлилась до второй половины XV-го (А. Мантенья, К. Тура), получив чрезвычайно своеобразное преобразование в линейных ритмах С. Боттичелли. Отдельное явление составила так называемая венецианская готика, рельефнее всего представленная в живописи и архитектуре (ее эстетическим знаком может считаться прославленный Дворец дождей, XV век). И вряд ли нонсенсом должна считаться «ультраготика» Миланского собора, который возводился на протяжении XIV–XIX столетий.

Теперь уместно задаться вопросом: имеет ли смысл относить готику к Средневековью, а для XIV–XVI столетий считать ее некоей аномалией, если она целиком охватывает временную протяженность Ренессанса, глубоко затронула всю Западную Европу, причем в большинстве стран была господствующим стилем? Среди других аргументов в пользу

несомненной принадлежности готического стиля к эпохе Возрождения можно привести следующие.

1. В рамках архитектурной готики была выработана самая передовая инженерно-строительная техника и таковой она оставалась едва ли не вплоть до XX столетия.

2. Соединение строго научного, фундаментально математического расчета (конструкция, технология) и вольного полета фантазии (подчас до исключительной изощренности, причудливости и экзотичности архитектурных форм). О.Мандельштам отозвался на это парадоксальное сочетание строкой: «Души готической рассудочная пропасть» — обозначенное здесь сочетание логического подхода и творческой свободы, *ratio* и *emotio* очень характерно для Ренессанса.

3. Столь же характерно для лучшего в готике, как и для Ренессанса в целом, претворение принципа красоты (при всей грандиозности — стройность, легкость, виртуозный артистизм исполнения) и полноты жизненных сил, что сказалось в частности в избылии декора.

4. Гордое утверждение исключительных возможностей человека, величия его духа и разума, вдохновенного воображения, мастерства и труда. Способный создать такое поразительное творение, каким был готический собор, человек как бы возвышался до божественных высот и озарений — в этом состояла одна из внутренних мотиваций возносящего вертикализма готической архитектуры.

5. Позволить себе роскошь строительства готического собора, этого высшего создания данного стиля, мог только город. К городам, начиная приблизительно с XII столетия, постепенно переходит инициатива всеобщего прогресса. С ростом их населения, благосостояния и мощи формируется новое сословие (этимологическая цепочка: город — бург — бюргер=буржуа — бюргерство=буржуазия). С появлением этого сословия город становится центром интенсивного развития всех сторон жизни, в том числе и художественной культуры (именно города являлись главными очагами искусства Возрождения). И тогда города начинают воздвигать готические соборы как символы своего могущества и своей значимости для рождающегося социального уклада.

Сказанное позволяет считать готику полноценным и полноправным стилем эпохи Возрождения. Разумеется, если быть осторожным, можно ограничиться компромиссной формулировкой: готика развивалась, вырастая из Средневековья и вращаясь в Возрождение. Однако по логике вещей предпочтительнее утверждать, что в искусстве данной эпохи сосуществовали два определяющих и наиболее определенных стиля — готика и ренессанс (*ренессанс* как стиль в отличие от *Ренес-*

санса как эпохи, поскольку данное явление далеко не охватывало всего в художественном массиве XIV–XVI веков). Это были два контрастные стиля, в некотором отношении почти антиподы, подобно тому, как в последующем, во времена *Барокко* контрастировали и сосуществовали *барокко* (стиль, давший имя эпохе) и *классицизм*. И подобно будущему «паритету» барокко и классицизма, готика и ренессанс были в равной степени необходимы эпохе Возрождения как два взаимодополняющих стиля.

Уточним последнюю мысль. Стиль ренессанс — это благородная простота, сочетание строгости и изящества, мягкость очертаний, плавность ритмов (как в музыке и поэзии, так и в архитектуре, скульптуре, живописи), это пластичность форм, классическая стройность и уравновешенность композиции, это ясность, устойчивость, величавое спокойствие, гармоничность и возвышенная красота. Готический стиль — это повышенная экспрессия, динамизм, эмоциональная напряженность, это склонность к остро драматической и трагедийной образности, это страсть, порыв, своевольная фантазия и субъективность (выражаются в частности в дробности форм и в перегруженности деталями). Добавим к этому, с одной стороны, угловатость контуров, изломанность линий, нервную аффектированность, гротескную выразительность, а с другой — элегантность, изысканность, утонченность, очаровательную фантастику. Иными словами, готика с ее подчас экстремальными характеристиками — это романтика и романтизм эпохи Возрождения.

В том, что готика могла быть очень разной, убеждает скульптура готических соборов, которая интересуется нас и с точки зрения временных координат Ренессанса. Дело в том, что к середине XIII века здесь произошел настоящий переворот. Рельефы и статуи соборов в Страсбурге (с 1230-х годов), Реймсе (с середины 1220-х) и особенно в Наумбурге (уже с 1210-х) приобретают все большую жизненность. Возникает интерес к реальным формам, к телесной красоте и чувствам человека, то есть начался процесс активного «очеловечивания» скульптуры. В лучших работах впечатляет живость и непосредственность образов, их конкретность и индивидуальная выразительность, естественность пропорций, превосходная лепка лица и рук, объемная пластика фигур, убедительная проработка драпировки (изящная игра светотени в легких волнистых складках ткани). Подобные изображения выходили за пределы готики в ее привычном понимании, предвосхищая завоевания классической скульптуры Ренессанса.

Столь ранний прорыв в новое художественное качество, который произошел в скульптуре ряда европейских соборов, подводит нас к про-

блеме точки отсчета в определении границ той или иной исторической эпохи. Откуда вести ее исчисление — от первых «ростков» или с того момента, когда новое приобретает характер «потока»? И как быть с неравномерностью проявления определяющих тенденций в разных видах искусства и в разных национальных школах, ведь в реальном художественном процессе всегда есть явления опережающие и явления запаздывающие. Положим, начальный этап Ренессанса в британской словесности связывают с книгой Д. Чосера «Кентерберийские рассказы» (1387), где ее автор становится родоначальником английского литературного языка и прозорливо усматривает будущее в буржуа, стремящихся к полнокровному существованию. Для французской живописи исходным моментом Возрождения отмечают выполненный братьями Лимбург «Часослов герцога Беррийского» (около 1411–1416) с характерным для него достоверным изображением сцен реальной жизни.

В той же Италии формирование архитектурного стиля ренессанс произошло только к середине XV века. Его первым крупным памятником считается купол Флорентийского собора, возведенный в 1420–1436 гг. Ф. Брунеллески, и купол этот выступает в сочетании с готической основой (автором проекта фасада был Арнольфо ди Камбио, автором проекта колокольни — Джотто). Надо ли удивляться запоздалому выходу ренессансной архитектуры, не естественнее ли предположить, что эпоха до поры до времени вполне довольствовалась готикой? Поэтому завершая дискуссию по готическому искусству, приходим к выводу, что его вовлечение в орбиту художественной проблематики Возрождения снимает вопиющий разрыв, возникший в традиционной истории искусства, согласно которой между зарницами Ренессанса в Италии и вызреванием аналогичных тенденций в других странах лежит полоса в целых два века. Представить подобное в достаточно единой и сообщающейся Европе просто невозможно. Вспомним хотя бы Францию, которая лидировала в художественном развитии последних столетий Средневековья и закономерно стала родиной многоголосия в музыке и готики в архитектуре.

Решение проблемы точки отсчета видится в следующем. В рассмотрении зоны стыка эпох необходимо отделять то, что длило прежнее, и то, что открывало новое. И соответственно — первое относить к предыдущей эпохе, а второе к эпохе последующей. Но при этом для ясности ориентации очень важно определить некий водораздел (разумеется, только приблизительно и с немалой долей условности). И здесь предпочтительнее всего судить по «авангарду», который, находясь на передней линии художественных исканий, образует форпост рождающейся

эпохи. Для Возрождения в соотношении с предшествующим ему Средневековьем искомым рубежом проходил в середине XIII столетия — об этом свидетельствует множественная совокупность отмеченных выше явлений, относящихся к разным видам искусства и принадлежащих культуре различных регионов.

Переходя к верхней границе Ренессанса, еще раз вернемся к проблеме точки отсчета. Линию водораздела между эпохами допустимо проводить лишь там, где художественные явления, позволяющие говорить о начале нового исторического измерения, приобретают ясно выраженный и системный характер. Спорадические вспышки инноваций должны расцениваться не более, как далекие предвещения или прогнозирующие симптомы. Примером таких предваряющих опытов могут быть названы полотна С. Боттичелли рубежа XVI века и «Изенгеймский алтарь» М. Нитхардта (известен также под именем Грюневальд, 1512–1515) с их мистической экзальтацией и трагической экспрессией. Но только с 1530-х годов подобные проявления начинают приобретать все более закономерный характер, открывая фазу перехода от Возрождения к эпохе Барокко. Здесь в первую очередь должны быть названы Микеланджело и Тициан, вступившие в завершающий период своего творчества. В их произведениях, как и в работах их младших современников, порой невозможно отделить барочное от ренессансного, однако постепенно нарастающая доминанта нового заставляет относить этот художественный пласт к эпохе, зарождавшейся в недрах Позднего Возрождения.

Рамки данного доклада не позволяют дать полной и конкретизированной аргументации переходного этапа, поэтому ограничимся самыми общими соображениями. До XVII столетия, когда искусство Барокко расцвело пышным цветом, европейская художественная культура прошла несколько стадий, в ходе которых принципы и установки новой эстетической системы были выявлены с полной ясностью и получили самую широкую апробацию. Перечислим самое существенное: обостренная контрастность, антиномии реальности и фантастики, света и мрака, утонченно-рафинированного и огрубленно-натуралистического, идеально-возвышенного и низменного, безудержной гедонии и спиритуалистической отрешенности; осознание дисгармоничности бытия, его изменчивости, неустойчивости и трагических диссонансов, а рядом — бурлящее, искрометное жизнелюбие, феерическая роскошь красок, головокружительные иллюзионистические эффекты; склонность к патетике и подчеркнутой экспрессии, к аффектированности и экстатической преувеличенности эмоций; усложненная форма выражения с использо-

ванием изощренной метафоричности и всякого рода эмблематики, аллегоричности, символов, гипербол. Все эти и многие другие признаки барочного менталитета представлены в таких разноплановых явлениях середины и второй половины XVI века, как маньеризм (с его литературными ответвлениями в виде маринизма, гонгоризма и «метафизической поэзии»), религиозная лирика в поэзии (Луис де Леон) и музыке (Т. де Викториа), дворцовые сооружения (Эскориал, Лувр, Уффици), венецианская школа в живописи (П.Веронезе, Я.Тинторетто) и музыке (А. и Д. Габриели), итальянская комедия масок и мадригальная комедия, французский карандашный портрет и плутовской роман. Естественно, требуют хронологической переориентации на Барокко и самые крупные художественные фигуры этого времени, традиционно относимые к эпохе Возрождения — Шекспир и Сервантес в литературе, Брейгель и Эль Греко в живописи, Палестрина и Лассо в музыке...

Основные итоги вышеизложенных размышлений сводятся к следующему:

1) в сравнении с привычными представлениями, нижняя граница эпохи Возрождения должна быть сдвинута приблизительно на полстолетия вниз и определяться с середины XIII века с полноправным включением готики в панораму художественных процессов Ренессанса;

2) верхняя граница эпохи Возрождения, соответственно, также должна быть сдвинута примерно на полстолетия вниз, поскольку с середины XVI века открывались горизонты эпохи Барокко, в связи с чем большинство художественных явлений второй половины этого столетия необходимо передать на ее «баланс».

Т. С. Каландаров, В. П. Терехов

ГЕОПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ (интеграция науки и высшего образования на примере Памира в XIX столетии)

В вузовских курсах политологии и истории международных отношений большое значение имеет изучение геополитики — направления политической мысли, отражающего зависимость и связь внешней политики государства с его географическим положением. Геополитические доктрины имеют различную направленность, в том числе и экспансионистскую. Приводимый ниже материал может быть использован на лек-

циях и семинарах для иллюстрации того, как геополитические доктрины реализовывались в XIX веке на Евразийском континенте.

Как известно, новое — это хорошо забытое старое. Данный постулат вполне применим и к международным отношениям. Хотя, безусловно, жизнь вносит свои коррективы, и ситуация сегодняшняя не может быть схожа с той, которая была, скажем, в XIX веке.

Один из важнейших факторов человеческого бытия, вокруг которого организуются все остальные формы жизнедеятельности людей, — географическое пространство. Именно оно вкупе с климатом и другими природными условиями послужило основой для возникновения концепции *географического детерминизма*, которая придает географическим реалиям не только основополагающее значение в экономической и социально-политической жизни государств, но и формируют национальный дух и национальный характер.

Таким образом, географический детерминизм указывает на тесную взаимозависимость между обществом и географической средой. В ходе истории его использовали в качестве оправдания и существовавших политических порядков, и революций, и захватов чужих территорий. На основе географического детерминизма возникла концепция *геополитики*, которая в конце XIX столетия выделалась в самостоятельную область исследований. Она изучает, в частности, физико-географическую, политическую, экономико-географическую, расово-антропологическую и культурно-конфессиональную обусловленность динамики международных отношений и мировой торговли.

Возникновение геополитики как науки было следствием развития научного знания, с одной стороны, и потребностью осмысления новых политических реалий — с другой. Уже в первой четверти XIX столетия в политической организации Европы произошли существенные изменения, повлиявшие на дальнейший ход исторических событий не только на этом континенте, но и во всем тогдашнем мире. Отречение Наполеона от престола, крах его империи и подписание в 1814 г. Парижского трактата означали не что иное, как начало раздела сфер влияния и территориального передела Европы. А последовавший через год после этого Венский конгресс изменил политическую карту данного региона. В то же время этот международный форум обнаружил серьезные разногласия в стане бывших союзников, воевавших против Наполеона. Англия прилагала все усилия к тому, чтобы ослабить международные позиции своего потенциального конкурента в разных регионах мира — России — и создать против него блок государств.

На протяжении всего XIX века ареной борьбы между Англией и Россией — двумя крупнейшими империями мира — служили Ближний и Средний Восток. Первые противоречия и напряженность здесь стали наблюдаться уже вскоре после окончания наполеоновских войн (1803–1815), и главной экономической причиной их явилась борьба за господство на рынках Востока.

Крупнейшей колонией Британии оставалась Индия, завоеванная руками Ост-Индской компании, действовавшей под покровительством английского правительства. Эта компания оказывала серьезное влияние на британскую внешнюю политику и дипломатию в азиатском регионе. Огромные владения в Индии и наличие англо-индийских колониальных войск были опорой в задуманных Англией планах завоевания или подчинения соседних с Индией государств — Ирана, Афганистана и др. Для того чтобы обосновать новые захваты на Востоке, англичане широко использовали известный дипломатический прием: готовясь к войне, следует как можно чаще и громче заявлять о мире.

В ход были пущены слухи о том, что Россия хочет напасть на Индию и что необходимо защищать «жемчужину британской короны». Разговоры о завоевательных замыслах русских начали курсировать в английском парламенте еще в конце XVIII в., и затем систематически эту мысль озвучивали британские посланники, консулы и другие агенты в Турции, Иране и Афганистане. В английских газетах активно обсуждался вопрос о возможном вторжении русских войск в Индию со стороны Центральной Азии. В связи с этим внимание политиков, дипломатов и военных все больше и больше обращалось на страны, находившиеся между Индией и российскими владениями, которые с завоеванием Средней Азии Россией во второй половине 60-х — начале 70-х годов XIX века значительно приблизились к крупнейшей британской колонии.

Контакты России со Средней Азией, под которой понимались Коканд, Хива, Бухара, а также казахские жузы, киргизские и туркменские племена, не имевшие своей государственности, имели давнюю историю. Но характер их был спорадический. Попытки русских правителей, начиная с царя Ивана Грозного, установить регулярные торговые связи и политико-дипломатические отношения оказывались безуспешными. Этому мешали в первую очередь отсталость экономики, оторванность от мирового рынка и политическая нестабильность в рабовладельческих государственных образованиях Средней Азии. Да и сама Россия до середины XIX века не придавала большого значения среднеазиатскому направлению в своей внешней политике.

На изменение отношения русского правительства к этому региону повлияла внешнеполитическая деятельность Англии. Во-первых, она усиливала вмешательство во внутренние дела Афганистана, Ирана, Турции и пыталась использовать их в противоборстве с Россией. Во-вторых, английское правительство предприняло шаги, направленные на изучение географии граничащих с Индией районов и возможных путей вторжения русской армии. В-третьих, началось серьезное зондирование политической и экономической обстановки в Среднеазиатском регионе.

Все эти действия были составной частью так называемой Большой игры, под которой понимается соперничество Британской и Российской империй, стремившихся к установлению контроля за рынками сбыта и источниками сырья в на Евразийском континенте. Одним из объектов в этой «игре» был Памир — горная страна в Центральной Азии.

В ходе Великих географических открытий XV–XVII веков, благодаря морским и сухопутным экспедициям, удалось исследовать значительную часть земной поверхности и установить контуры обитаемых материков. Однако некоторые регионы земного шара еще долгое время оставались неизвестными и неисследованными. К ним относился и Памир — высокогорная страна в Центральной Азии, которая практически до середины XIX столетия оставалась *terra incognita* для европейцев.

Было известно, что в средние века китайские паломники и купцы двигались по пути, пролежавшему через Памир. Собственно первое описание этого горного края принадлежит перу буддийского монаха Сюань Цзана и относится к VII веку. Отправляясь из китайской провинции Хунань в Индию и возвращаясь через долину По-ми-ло (Памир), путешественник сообщал, в частности, что она «тянется между цепей двух гор, покрытых снегами» и представляет собой пустыню, где «не увидишь человеческого жилья»²⁵. Арабские ученые приводили сведения о том, что на Западном Памире существуют княжества Шугнан и Вахан. Первым европейцем, который попал в XIII веке на Памир, был венецианский купец Марко Поло. Он тоже характеризует этот край как безлюдную пустыню²⁶. Правильность слов Марко Поло о том, что движение по Памиру занимает 40 дней, подтверждали и материалы иезуита Бенедикта Гозса, служившего в начале XVII века миссионером в Индии²⁷.

²⁵ Цит. по: Мушкетов И. В. Туркестан. Пб., 1915. Т. 1. С. 64–65.

²⁶ [Марко Поло]. Книга Марко Поло / Пер. И. П. Минаева. М., 1955. С. 74.

²⁷ См.: Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира: политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / Общ. ред. и предисл. акад. В. С. Мясникова. М., 2005. С. 58.

За исключением немногочисленных, кратких и сбивчивых сведений из китайских и арабских источников, а также сочинения Марко Поло о Памире практически ничего не было известно в Европе. Описания купцов-путешественников касались в основном дорог, хотя и они представляли ценность для европейцев при отсутствии других сведений. Памир оказывался недоступен для европейцев по двум причинам: во-первых, его земли находились в вассальной зависимости от соседних государств, которые не давали разрешения на поездки туда, во-вторых, путешествия в высокогорные районы были опасны для жителей равнин из-за сложных природно-климатических условий.

Тем не менее англичане в XIX столетии первыми предприняли попытку исследовать территории, располагавшиеся к северу от Индии. С этой целью они создали специальную службу, занимавшуюся сбором разведанных и географическими разысканиями. В качестве разведчиков и исследователей в одном лице выступали на территории Афганистана, Памира и Восточного (Китайского) Туркестана английские офицеры. Помимо боевой подготовки они имели хорошие знания в области геодезии и картографии, а также в инженерном деле. В сборе сведений о дорогах, перевалах, горных вершинах, водных источниках и т.д. англичанам помогали так называемые *пундиты* (пер. с хинди — «учителя») — шпионы из местных жителей, прошедшие специальную топографическую и геодезическую подготовку. Они прекрасно ориентировались на местности, не привлекая к себе внимания, и пользовались своим знанием языков и обычаев аборигенов. О «Большой игре» и роли пундитов увлекательно написал в своем романе «Ким» Редьярд Киплинг.

Первым после Марко Поло и Бенедикта Гоеса прошел из Кабула на Памир англичанин Джон Вуд — офицер королевского военноморского флота. В 1838 г. он открыл оз. Зоркуль (Виктория), которое является истоком Пянджа. Вуд первым высказал правильные в целом предположения относительно горной системы Памира. Он отмечал, что границы между государственными образованиями в Центральной Азии не определены, что приводит к спорам, и рекомендовал своему правительству как можно скорее установить контроль за некоторыми территориями.

Британские миссионеры, посещавшие в последующие годы среднеазиатские государства, естественно, преследовали политические цели. Вместе с тем их разыскания способствовали накоплению знаний о Памире. Важные сведения о Восточном Памире удалось собрать английскому путешественнику и по совместительству разведчику Дж. Хейуорду (Гейуарду). Он составил карту этой части Памира и первым описал ее

орогидрографические черты. О военно-разведывательном характере его исследований свидетельствовал тот факт, что он произвел детальную топографическую съемку и составил крупномасштабные планы Кашгара и Яркенда, обратив особое внимание на систему оборонительных сооружений и вооружение этих важных крепостей Восточного Туркестана. Причем карты были снабжены замечаниями путешественника относительно возможного направления штурма.

В 1869 г. в российских газетах появились сообщения о том, что Дж. Хейуорд, проводивший исследования в Восточном Туркестане, собирается достигнуть Памира. Действительно, в июле 1870 г. Хейуорд планировал проникнуть в памирские степи. Однако попасть на Памир ему не удалось. Экспедиция вызвала недовольство и сопротивление со стороны некоторых местных правителей, а в августе того же года при невыясненных обстоятельствах путешественник был убит. Англичане подозревали, что это сделали русские агенты.

Известие о намерении Хейуорда попасть на Памир расстроило молодого, но уже получившего известность в научном мире ученого Алексея Павловича Федченко. Именно его исследования 1869–1872 гг. положили начало систематическому изучению Памира в географическом, политическом, хозяйственном и этническом отношениях. В декабре 1869 г. А. П. Федченко написал туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману: «В газетах я прочел, что англичанин Гейуард намерен пробраться в Белуртаг и Памир. Признаться сказать, это меня опечалило, значит, самое любопытное открытие географическое, какое осталось сделать в Средней Азии, будет сделано не русскими. Между тем от нас Памирское нагорье гораздо доступнее, чем со стороны Индии»²⁸.

Открытие Памира представлялось русскому ученому не только крайне необходимым, но и «самым любопытным». Ранее он излагал Кауфману свой план организации и посылки на Памир небольшой экспедиции с целью его научного исследования. Но генерал-губернатор, вероятно, убеждал Федченко в том, что положение дел в этом регионе не позволяет сделать этого. И вот теперь, после прочтения в газетах сообщения о намерениях Дж. Хейуорда, Федченко спрашивал: не изменилось ли с тех пор положение дел настолько, чтобы можно было надеяться на исполнение задуманного плана? Против этого вопроса генерал пометил: «Обстоятельства, по-видимому, изменились к лучшему, и я надеюсь, что можно согласиться»²⁹.

²⁸ А. П. Федченко: Сб. документов. Ташкент, 1956. С. 86.

²⁹ Там же.

Федченко не терял надежду опередить Хейуорда, поскольку, во-первых, англичанин мог попасть на Памир из-за климатических условий не раньше мая, во-вторых, этот регион был ближе к российским границам и доступнее. Но, судя по всему, международная обстановка не позволяла приступить к исследованиям Памира в то время.

Следует сказать, что А. П. Федченко одним из первых понял значимость фотографии для научных исследований. Он был убежден, что фотографические снимки, или рисунки, как он их называл, дают единственную возможность запечатлеть природу того или иного региона. Изучение населения в естественно-историческом отношении, «оттенки помесей, действие образа жизни и занятий», по его мнению, не могут быть выражены никакими описаниями и измерениями без помощи фотографии. Тем более она необходима при антропологическом изучении населения.

Готовясь летом 1870 г. в очередную экспедицию, Федченко высказал предположение, что Памир находится где-то недалеко за высокими Заалайскими горами. «Существование Памирской выси, в смысле обширного плоскогорья вроде Алая, — писал он, — для меня несомненно»³⁰. Алайским киргизам, по его словам, Памир был известен под названием Памиль, причем они различали Памиль-калян (большой) и Памиль-хурд (малый). Киргизы говорили исследователю, что это ровная, обширная и чрезвычайно высокая страна и что жить там они не в состоянии из-за разреженности воздуха. Но где, в верховьях какой реки, в каких владениях находится Памир-калян, никто из его информантов не мог сказать ничего определенного.

Федченко жаловался в письме Кауфману, что получение точных сведений о Памире затруднено тем, что алайские киргизы не имеют сношений с Шугнаном. По их словам, там живут шига (шииты), альпарази (иноверцы), которых они при случае забирают себе в рабство³¹.

Федченко был первым ученым, проникшим в труднодоступные горные цепи Алая, занимающие промежуточное положение между Тянь-Шанем и Памиром. Он осуществил несколько интересных и плодотворных путешествий по некоторым регионам Средней Азии, но на Памир так и не попал. В 1873 г., готовясь к поездке туда, путешественник решил заняться геологией и изучением ледников и погиб на горе Монблан.

И Хейуорд, и Федченко посмертно удостоились за свои исследования медалей: первый от британского Королевского географического

³⁰ Там же. С. 139.

³¹ Там же.

общества, второй — от российского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Многие российские военные, которые в 1880–1890-е годы исследовали Памир и прилегающие к нему области Центральной Азии, были членами Русского Географического общества. Вместе с учеными — географами, зоологами, астрономами, геологами и другими специалистами — они внесли огромный вклад в памироведение — новую отрасль востоковедения и иранистики. Так, в 1883 г. в ходе Памирской экспедиции капитана Генерального штаба Д. В. Путяты, горного инженера Д. Л. Иванова, топографа Н. А. Бендерского удалось составить крупномасштабные и правильные карты Памира, а также собрать ценный материал о социально-экономической и политической жизни населения западных районов Памира — Вахана и Шугнана. Неоценимый вклад в дело исследования Памира внес офицер, член Русского Географического общества Б. Л. Громбчевский, удостоившийся серебряной и золотой медалей этого общества.

Как следует из сказанного, в XIX столетии Памир, занимая срединное географическое положение между Индией и владениями России, оказался в эпицентре борьбы двух крупнейших европейских империй — Британской и Российской. Здесь сосредоточились их противоречия и разыгралось одно из действий «Большой игры». Британия, прикрываясь лозунгом защиты своей колонии Индии от России, проводила в XIX веке экспансионистскую внешнюю политику в Центральной Азии.

Вместе с тем борьба указанных держав за такой важный геостратегический регион, как Памир, дала толчок научным исследованиям в Средней Азии. Английские и российские военные специалисты заложили основы памироведения. В результате военного и дипломатического противоборства начались активные разыскания в области географии, зоологии, этнографии Памира. Геополитика способствовала развитию знаний о прежде неизведанном регионе.

ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ КАК СФЕРА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В настоящее время, как известно, происходит реформирование отечественной системы высшего образования, обусловленное вхождением в России в Болонский процесс — европейское образовательное пространство. Становление новой системы «бакалавриат + магистратура», приходящей на смену 5-летней системе образования, сопровождается существенными изменениями в организации учебного процесса. Все чаще ставится вопрос об улучшении качества высшего образования. В связи с этим в практике вузов начинают использоваться современные образовательные технологии, традиционные курсы все чаще модифицируют свое содержание, вводятся новые дисциплины. Одной из таких дисциплин, которая все чаще предлагается студентам гуманитарного профиля, является «Теория и практика аргументации».

Причем данная дисциплина все чаще включается в учебные программы по подготовке специалистов не только гуманитарного профиля. Государственные образовательные стандарты целого ряда специальностей содержат обязательные требования к ее освоению. И это не случайно, т. к. изучение теории аргументации является наиболее быстрым и продуктивным способом повышения логической культуры мышления, которая, как известно, является важнейшим фактором формирования как личности будущего специалиста, так и его успехов в профессиональной деятельности.

В отечественной логико-методологической и философской литературе проблемы аргументации долгое время почти не рассматривались. Заметный интерес к ним возник в связи с процессами демократизации общественной жизни, создавшими благоприятные условия для взаимного обмена мнениями между представителями различных общественных движений. Быстрое развитие все новых сфер общественной жизни, а также задача подготовки специалистов в ряде профессиональных областей, связанных с необходимостью воздействия на убеждения людей, таких, например, политика, юриспруденция, преподавание, философия, психология, теология актуализировали необходимость специального изучения приемов убеждающего воздействия. Последнее, как известно, является предметом теории аргументации. Именно она исследует многообразные способы убеждения аудитории в ходе речевого воздействия

путем приведения доводов с целью изменения позиции другой стороны. Убеждения, как известно, это не только представления о реальности, но и оценки, идеалы, нормы, цели. Воздействуя на них можно изменять поведение людей. А это весьма востребовано в современном обществе, где огромную роль играют электронные СМИ.

Таким образом, введение дисциплины «Теория и практика аргументации» в учебные планы вузов оправдано наличием многих областей и сфер, где востребовано умение обосновывать свою позицию, строить доказательства, принимать взвешенные решения. Особое значение в современном социуме имеет, например, аргументация в политической коммуникации, где она представляет собой совокупность теорий и методов, которыми могут пользоваться политические организации и органы власти с целью определения своих задач и влияния на поведение граждан. То есть, именно общественная потребность привела к тому, что вопросы теории аргументации сегодня все чаще начинают становиться предметом научного исследования и изучаться в высших учебных заведениях не только внутри некоторых курсов, но и в качестве отдельной учебной дисциплины.

В ходе образовательного процесса в высшей школе мы традиционно мы имеем дело с ситуациями, когда какая-либо научная дисциплина становится учебным курсом после ее достаточно полного теоретического оформления и практической апробации. Причем она должна быть достаточно развитой в научном плане, чтобы затем трансформироваться в учебный курс. Последний должен получить соответствующее методическое обеспечение: должны быть написаны учебники, созданы хрестоматии, разработаны методические пособия и рекомендации. Совсем иначе обстоит дело в теории аргументации. Несмотря на то, что со времен «Риторики» Аристотеля многие ученые исследовали проблематику аргументации в связи с диалектикой, как искусством ведения споров в поисках истины, или риторикой, как искусством красноречия, единая общепринятая теория аргументации еще создана. В связи с этим ряд современных исследователей не без основания полагают, что неправомерно считать, что «Теория аргументации» — это лишь новое название для ряда дисциплин, имеющих давнюю традицию, на самом деле мы имеем дело с «дисциплиной с новым содержанием и даже непочатым объемом исследовательской работы»³².

Однако преподавание в вузах дисциплины под названием «Теория и практика аргументации» осложняется тем, что строгой на-

³² Герасимова И. А. Введение в теорию и практику аргументации. М., 2007. С. 7.

учной теории аргументации на сегодня не существует. Более того, в многочисленных формах социально-гуманитарных практик не найдены даже алгоритмы универсального полемического искусства, эффективно-го везде и в любой аудитории, что подтверждается существованием весьма востребованного на рынке огромного массива практических руководств о том, как, например, победить в споре или успешно вести деловые переговоры. Поэтому сегодня в отечественной системе высшего образования сложилась необычная ситуация, когда написание хорошего учебного пособия по теории аргументации фактически предполагает определенный вклад в создание соответствующей теории³³.

Нельзя сказать, что изучение аргументационных проблем ранее вообще отсутствовало в университетском образовании. Например, кафедры русского языка ряда отечественных вузов обеспечивали чтение курса под традиционным названием «Риторика», который мало изменился по содержанию со времен «Риторик» Аристотеля и Цицерона. Присутствие этого курса в наборе дисциплин, читаемых именно специалистами с лингвистической подготовкой, исторически закономерно и очень показательно. Со времен заката Древнего Рима значение ораторского искусства, например, политического красноречия, все время уменьшалось. Так, если для греков главное в риторике было искусство убеждать, то уже римляне больше всего ценили искусство хорошо говорить. Логическая составляющая риторического события постепенно была вытеснена и заменена эмоциональной убедительностью речи. В результате пути риторики, логики и философии в период эллинизма резко разошлись. Интерес переключился с исследования общетеоретических проблем на вопросы украшения речи: поиски особых риторических фигур и приемов произнесения речей, т. е. разработку стилистики речи.

Причины этого процесса справедливо ищут в изменениях социально-политической жизни Рима: установление принципата, монархического режима привело к тому, что общество уже не могло влиять на ход общественных событий, Сенат уже не разбирает важные политические дела, Форум опустел и место политического красноречия заняло показное, эпидейктическое красноречие, которое, по мнению Цицерона, годилось лишь «для забав и парадов». Примечательно, что уже Сенека старший называет риторику «декламацией», а Квинтилиан вычленяет в качестве ее основы стилистику. В Средние века риторика превратилась во вспомогательную дисциплину, в средневековых университетах логическую сторону аргументации изучали на факультетах искусств. А на

³³ Зайцев Д. В. Теория и практика аргументации. М., 2007. С. 4.

Востоке в буддийских и ламаистских монастырях широко практиковались философско-богословские диспуты в рамках догматических систем³⁴. Пробуждение интереса к вопросам аргументации, связанное с изучением античных источников в период Возрождения, шло в русле тенденций позднего эллинизма. Риторика продолжала ориентироваться на стилистику (стилистика риторика О. Талона), причем не столько устную, сколько письменную. Проблемы литературного языка вышли на первый план. Риторика превратилась в средство оформления речи. Эта тенденция становится доминирующей в Новое время. Несмотря на то, что ряд мыслителей (Ф. Бэкон, Р. Декарт, А. Арно и П. Николь, Б. Паскаль) внесли ряд усовершенствований в логическую теорию доказательства и опровержения, аргументация в целом становится отраслью филологической науки. К XIX веку ее проблематика была полностью «узурпирована» филологией, а сама она стала многим казаться «мертвой наукой», напоминающей древние языки, поэтому научный интерес к ней был утрачен, и к началу XX века она превратилась в дисциплину, «доживающую свой век на задворках грамматики»³⁵. Ее интересовали, главным образом, особенности языка художественной литературы (гипербола, метафора, аллегория, ирония и др.), а также риторические фигуры (риторический вопрос, обращение к слушателю за советом, притворное удивление и т. п.).

Этот исторически сложившийся лингвистический (описательный) подход к теории аргументации часто встречается и сегодня, что не случайно, т.к. дело здесь не только в многовековой традиции, а и в том, что он решает важную задачу — обеспечение адекватного понимания любого текста с помощью детального выявления особенностей аргументативного дискурса. Т. е. в рамках лингвистического подхода к аргументации речь в первую очередь идет об описании и упорядочении эмпирического материала, а не о разработке собственно научной теории.

Примером этому может служить содержание учебного курса риторики, достаточно широко представленного в ряде западных университетов, особенно американских, где он входит обязательным компонентом во все учебные программы. Риторика традиционно изучается там как предмет речевой коммуникации и как один из аспектов убеждающей речи. Это объясняется тем, что в США с риторикой связывают успехи в административной, политической и судебной деятельности. Важно заметить, что проблемы, связанные с рационально-логическими факторами

³⁴ Базаров А. А. Институт диспута в тибетском буддизме. СПб, 1998.

³⁵ Perelman Ch. The New Rhetoric and the Humanities. Dordrech, 1978. P. 2–3.

убеждения, которые должны составлять ядро теории аргументации, так или иначе присутствуют в традиционных курсах риторики, однако они обычно переплетены с психологическими, этическими, эмоциональными, стилистическими, эстетическими аспектами речи, что затрудняет самостоятельное исследование и определение аргументации. Помимо риторики, аргументационная составляющая имплицитно входит в содержание систематических курсов многих дисциплин, читаемых в западных, (да и отечественных) университетах.

Несмотря на то, что аргументация как практическое искусство существует очень давно, общество развивается, социальный фон существенно меняется, появляются новые формы аргументативных дискурсов и полемических взаимодействий, выдвигающие иные, чем например в античности, требования к спору, дискуссии, нарабатываются и накапливаются более точные способы анализа убеждающей речи. Все это требует разработки современной теории аргументации.

Начало этому процессу положило появление в 40-х годов XX века на стыке двух дисциплин — логики и риторики — новой дисциплины, которую позднее называли «неориторикой». Это означало не только возрождения интереса к процессам диалога, убеждения, коммуникации в целом, но и фактически явилось основой работы над созданием современной теории аргументации. Важную роль сыграла в этом книга англичанина А. Ричардса с примечательным названием «Философия риторики» (1936). И хотя она не могла в момент появления конкурировать с работами по популярной тогда структурной лингвистике, интерес к проблемам семантики, которой лингвистическая теория не занималась, привел к появлению «второго дыхания» в исследованиях по аргументации, особенно в таких странах как Бельгия, Франция, Италия.

Это был важный поворот, так как к тому времени формальная логика, для которой идеалом стала математика, проблемами аргументации, т. е. способами естественных рассуждений практического характера и рассуждений, применяемых в гуманитарных науках (где используются рациональные, но недемонстративные доказательства), не занималась. Формальные доказательства современной математической логики, как известно, практически исключают из сферы своего рассмотрения широкий класс правдоподобных рассуждений в том его виде как он используется в аргументационных дискурсах. Современную символическую логику мало (если не совсем) интересуют практические, нестрогие, опирающиеся на правдоподобные аргументы, рассуждения, составляющие содержание так называемой «человеческой логики», которые как раз и используются в повседневной жизни. Современные же подходы требуют

выработки таких критериев оценки состоятельности аргументации, которые обязательно учитывают степень ее воздействия на аудиторию. Т. е. речь идет о строительстве более адекватной, чем в символической логике, модели рассуждений «за счет введения дополнительных характеристик различных классов суждений и анализа их взаимоотношений в реальном процессе ведения спора или дискуссии»³⁶.

В становлении теории аргументации в XX веке выделяются две волны. Первая — это начало исследований о сущности аргументации не на примере абстрактных математических моделей, а применительно к языковой аргументации, которая используется в гуманитарных дисциплинах, например, такой как юриспруденция. По времени эту волну связывают с Международным симпозиумом по философской аргументации (1963) и работой Х. Перельмана (именно его работа «Новая риторика» дала название этапу становления собственно теории аргументации). Основатель бельгийской школы Х. Перельман вместе с Люси Ольбрехт-Титекой заново переоткрыли ту часть логики Аристотеля, которую последний называл диалектикой. Они убедительно показали, что убеждение не может быть сведено к логическому обоснованию, поэтому в гуманитарной сфере современная логика практически бесполезна. Поэтому теория аргументации должна исследовать помимо умозаключений и приемы нелогического происхождения. Ведь в практике часто встречаются ситуации, когда с помощью, например, аналогий или «квазилогических» (похожих в какой-то степени на логические) аргументативных схем, у аудитории создается убеждение в корректности обоснования некоторой точки зрения, а следовательно, в ее приемлемости.

Сначала Х. Перельман подверг критике принципы эмпиризма, которые еще как-то работали в отношении суждений о фактах, и которые показали свою несостоятельность в неопозитивистских подходах к анализу суждений о ценностях, предполагающих критерий выбора и ориентированных на прагматику. Он показал, что процесс выбора в мире ценностей идет чаще всего не под влиянием разума, а рассудка. Это по сути дела и означало возрождение античного аристотелевского подхода с его вниманием к так называемым «диалектическим» рассуждениям, то есть тем, которые основаны на правдоподобных аргументах и мнениях. Именно эти рассуждения и составляют сферу рациональной аргументации в гуманитарных науках, не опирающихся на необходимость логики или универсальность опыта. Оценочные высказывания в них, по мнению

³⁶ Рузавин Г. И. Методологические проблемы аргументации. М., 1997. С. 6.

Х.Перельмана, невозможно доказывать, их можно только аргументировать.

Еще более ярко эта позиция прослеживается в трудах английского философа С. Тулмина, считавшего, что надо строить альтернативную логику, которая будет тесно связана с прагматикой. Эта новая альтернативная логика должна выделить и обобщить наиболее существенные особенности аргументации, применяемой в гуманитарной сфере. Критерии оценки состоятельности аргументации, по его мнению, должны зависеть от области, к которой относится предмет обсуждения. Например, оправдание поступка в этическом плане требует совсем других доказательств, чем оправдание того же действия в юриспруденции. Логика для С. Тулмина «есть обобщенная юриспруденция», поэтому образцом для нее должен быть судебный спор. Концепция С. Тулмина основное внимание уделяет нормативным параметрам аргументации, поэтому она не без основания расценивается рядом исследователей как проявление так называемого «нормативного подхода» к построению теории аргументации, требующего соблюдения некоторых обязательных для корректного рассуждения законов и правил.

Примером нормативного подхода к построению современной теории аргументации является также так называемая «неформальная» логика, получившая распространение в 70-х годах в Канаде и США. Начало ее созданию положили Р. Джонсон и А. Блэр, подвергшие резкой критике ту форму, в которой аргументация трактовалась в учебниках по логике. Формальному критерию дедуктивной правильности аргументации они противопоставили неформально-логические: посылки в аргументации должны удовлетворять таким критериям как релевантность, достаточность и приемлемость. Эти критерии и сегодня используются другими представителями неформальной логики³⁷.

Вторая волна в развитии теории аргументации в XX веке связана с именами голландских исследователей таких как Ф. ван Еемерен, Р. Гроотендорст, Ф. С. Хенкеманс. Они рассматривали аргументацию как попытку изменить мнение аудитории³⁸. Ими была предложена концепция так называемой «прагма-диалектической теории аргументации», в которой аргументативный дискурс изучается с точки зрения критической оценки. Данный подход совмещает элементы диалектики с нормативным построением теории. Они исходят из предположения, что аргу-

³⁷ Франс Х. ван Еемерен. Современное состояние теории аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб, 2006. С. 17.

³⁸ Еемерен Ф.ван, Гроотендорст Р., Хенкеманс Ф. С. Аргументация: анализ, проверка, представление. СПб, 2002. С. 112.

ментация является частью критической дискуссии, нацеленной на разрешение различия во мнениях. В центре их внимания — модель критической дискуссии, которая служит эвристическим инструментом в процессе аналитической реконструкции и оценочным инструментом в процессе критической оценки. Главным объектом аргументации является «точка зрения», процесс выдвижения которой рассматривается через понятия речевой акт и условие успешности. Эту же проблематику и в похожем теоретическом ключе развивают сегодня многие исследователи, например, Д. Уолтон, Э. Краббэ и др. В последнее время возник новый подход к анализу аргументации, который получил название диалогического (А. Аарнио, Р. Алекси, А. Печеник). Главным объектом исследования здесь выступает юридическая аргументация, которая рассматривается как форма рациональной коммуникации, участники которой стремятся достичь рационального консенсуса посредством обмена мнениями. Таким образом, в XX веке на смену традиционным проблемам аргументации приходят новые средства убеждения и обоснования речи, которые необходимо исследовать при создании современной теории аргументации.

В качестве своеобразного теоретического итога, который должен лечь в основу учебного курса «Теория и практика аргументации», можно сформулировать следующие положения. Сегодня термином «аргументация», как правило, обозначают коммуникативную деятельность субъекта, целью которой является убеждение адресата через обоснование правильности своей позиции. Аргументация это интеллектуальная деятельность, состоящая в осмыслении спорных положений, выдвижении тезисов, подбору аргументов для их обоснования, доказательства, опровержения, критики. В социально-гуманитарном познании аргументация часто представляет собой поиск нового знания, например, в ходе научной дискуссии. Аргументация — это рациональная процедура обоснования каких-либо суждений, в которой наряду с логическими применяются также речевые, эмоционально-психологические и другие внелогические методы и приемы убеждающего воздействия. То, что аргументация содержит в себе не только формально-логические, но и эпистемологические, и психологические операции, является проявлением социально-исторической и культурной обусловленности гуманитарного знания.

Аргументация связана с различными сторонами общественной жизни человека, поэтому она «измеряется» как теоретическими, так и практическими критериями. Аргументация вплетена во все структуры общественного процесса, она используется в противоборстве социальных доктрин и идеологий. Сегодня аргументация приобретает новые

черты в гуманитарном знании, таких конкретных сферах приложения как философия, мораль, политика, история и др. Она существует в виде социально-культурных практик, к которым можно отнести и различные способы аргументирования — спор, дискуссию, полемику, дебаты, прения и т. д. Общим местом стало признание, что вне спора, вне диалога истина рождена быть не может. Сегодня в силу различных причин наблюдается возрастание интереса к различным формам диалога, широкое распространение получило, например, понятие «диалог культур».

Все это делает изучение аргументации не только практически значимым, что очевидно для всех, но и теоретически необходимым. Ведь аргументация — это вид деятельности, имеющий и собственные основания, которые нельзя свести, как это делалось ранее в научной литературе к чисто логическим (как правило, дедукции) и отчасти методологическим аспектам процесса убеждения. Это методическая и тактическая деятельность по организации аргументов, их обмену. В этой деятельности можно выделить разные стороны или аспекты: фактуальный и логический; риторический и аксиологический, этический и эстетический и др. В процессе аргументации обязательно задействованы психологические и прагматические факторы: мировоззрение человека, его система знаний, ценностей, нравственные установки личности, ее социальные ориентации, индивидуальные склонности, эмоции, здравый смысл, привычки, коммуникативные и логические навыки и т. д. Рациональное доказательство и эмоциональное убеждение — две стороны аргументационного акта.

Аргументационная деятельность носит междисциплинарный характер, и в этой связи не случайно наличие множества исследовательских подходов к аргументации. Среди них в качестве наиболее общих выделяют: формально-логический; языково-речевой; когнитивный и социально-психологический. Кроме того, в зависимости от целей исследования возможно существование и более частных подходов, например, культурно-сравнительного и т. п.

Современная теория аргументации должна возродить то позитивное, что было в античной риторике. Не случайно, сегодня аргументацию рассматривают в трех основных аспектах: как вид специфической деятельности, как форму мышления и как способ рассуждения.

Целью изучения курса «Теория и практика аргументации» является воспитание у слушателей сознательного отношения к речи, умения понимать речь другого и строить свою речь аргументированно, умения грамотно вести дискуссию, формирование навыков распознавать логические и психологические уловки. Для достижения этой цели необходимо

дать студентам знания об основах современной теории аргументации, ее понятийно-категориальном аппарате, особенностях демонстративных и недемонстративных рассуждений, их применения в тех или иных аргументативных дискурсах. Знакомство студентов с основными концепциями аргументации, должно способствовать умению выделять различные аспекты аргументативного дискурса. В результате такой работы студент должен сознательно опираться на нормы рационального речевого общения и требовать их соблюдения от своих оппонентов в ходе полемики. Важной задачей курса является освоение слушателями основных приемов и правил ведения дискуссии и подготовки аргументативных текстов. Освоение норм рационального речевого общения и правил ведения дискуссий должно помочь студентам овладеть умением четко и ясно выражать мысли, обосновывать выдвигаемые тезисы, аргументировано и доказательно отстаивать свои позиции и интересы, т. е., в конечном счете, максимально развить у них способность к самостоятельному критическому мышлению. Важно сформировать у студентов потребность и умение использовать полученные знания в своей профессиональной деятельности: применять правила теории аргументации в научных дискуссиях, деловых беседах и переговорах.

Программа дисциплины «Теория и практика аргументации» в соответствии со стандартом (составитель Мигунов А. И.) должна включать следующие разделы: аргументация с точки зрения классической логики; особенности аргументативного дискурса; современные концепции аргументации; коммуникативная структура аргументации; прагматический аспект аргументации; правила и типичные ошибки аргументации; составление аргументативного текста. А обязательный минимум содержания профессиональной образовательной программы по этой дисциплине должен содержать следующие дидактические единицы: предмет и значение теории аргументации, коммуникация, обоснование, убеждение, доказательство, опровержение, критика, виды аргументов, диалог, дискуссия, спор, полемика вопросно-ответный комплекс, уловка, манипуляция, софизм, паралогизм, парадокс, текст, цитирование. Дисциплина рассчитана на 162 часа, из них лекций — 33 часа, семинаров — 30 часов — самостоятельная работа — 99 часов. Завершается изучение курса экзаменом.

На основании содержания стандарта и с учетом его методических требований разработана следующая программа курса дисциплины «Теория и практика аргументации» для студентов философского факультета Высшей школы экономики.

Тема 1: Предмет и задачи теории аргументации.

Предмет теории аргументации. Определение аргументации. Аристотель об аналитическом и диалектическом рассуждении. Особенности процедур обоснования в реальной речевой деятельности. Аргументация как отрасль научного знания, соединяющая исследование, обоснование и убеждение. Проблема обоснования в познании и общении. Виды обоснований. Логико-рациональное, предметное и риторическое обоснование. Междисциплинарный характер исследований аргументационного процесса. Различные подходы к аргументации (логический, когнитивный, психологический, прагматический). Основные задачи аргументации. Основные подходы к построению теории аргументации. Культурно-семиотические системы аргументации (миф, искусство, наука, политика, философия, повседневность).

Тема 2: История формирования теории аргументации.

Эволюция основных идей аргументации. Формирование западной традиции аргументации. Возникновение искусства аргументации в Древнем мире. Вклад античной логики в формирование теории аргументации. Софисты: формирование риторики как искусства красноречия, эристики — как искусства спора и диалектики — как искусства доказательства. Проблемы теории аргументации у Сократа и Платона. Аристотелевский анализ логических и психологических основ процесса аргументации. Аристотелевская традиция в риторике. Прикладное ораторское искусство в Древнем Риме (Цицерон). Проблемы аргументации в период господства средневековой схоластики. Грамматика, диалектика и риторика в средневековых университетах. Отрыв риторики от философии и логики в период Возрождения. Ф. Бэкон: аргументация как метод убеждения в научном познании. Картезианская логика. Грамматика и логика Пор-Рояля. Х. Вольф о теоретической и прикладной логике. Возрождение интереса к проблемам аргументации, диалога и убеждения в 40-х годах XX века. «Новая риторика» Х. Перельмана. Модель аргументации Ст. Тулмина. «Критическое мышление» и неформальная логика. Прагма-диалектический подход к исследованию аргументации и его основные принципы.

Тема 3: Природа и общая структура аргументативного дискурса.

Особенности аргументации как социальной деятельности. Аргументация и ценности. Аргументация как коммуникативный процесс. Прагматические характеристики аргументации. Логико-гносеологические и внелогические аспекты аргументации. Классификация способов аргументации. Рациональный характер аргументации. Особенности аргументативного дискурса. Процесс аргументации: среда, виды, максимы,

субъекты аргументации. Поле аргументации и аргументативный дискурс. Аргументативная ситуация и ее особенности. Теоретическая и эмпирическая аргументации. Особенности контекстуальной аргументации. Истинность и правдоподобность. Истинность и приемлемость в аргументации.

Пропонент, оппонент и аудитория как субъекты аргументационного процесса. Основные стадии процесса аргументации. Основные методы аргументации. Структурный анализ аргументативного дискурса. Простая и сложная, элементарная и комплексная аргументация. Множественная аргументация с взаимозаменяемыми аргументами. Классификация простой аргументации. Структурные схемы аргументации.

Тема 4: Логические основы аргументации. Аргументация и доказательство.

Аргументация в классической логике. Логическая форма как критерий истинности. Демонстративная и правдоподобная аргументация. Логические стратегии доказательств. Правила доказательных рассуждений. Доказательство: цели, виды, структура. Прямое, косвенное и разделительное доказательство. Классическое доказательство от противного и его стратегия. Трехзвенная структура доказательства. Правила по отношению к тезису доказательства. Требования по отношению к аргументам. Демонстрация (или форма доказательства) и ее виды. Ошибки в демонстрационном процессе. Некорректные аргументы и способы их критики. Опровержение и его разновидности. Критика, ее цели и способы. Структура доказательства и аргументации: сравнительный анализ.

Тема 5: Диалог как основная форма аргументации.

Мышление как внешний и внутренний диалог. Диалог как форма коммуникации и его особенности. Диалог и монолог. Основные исторические формы диалога. Дидактический диалог как простейшая форма диалога. Интеллектуальные диалоги: их полюса и основные формы. Поисковый или исследовательский диалог, его цели и задачи. Структура диалога. Требования к рациональному диалогу (логические, психологические, аксиологические, этические, коммуникативные). Современные диалоги по анализу и подготовке решений. Особенности диалога между экспертами. Судебный спор как специфическая форма диалога. Характерные особенности судебного диалога. Логические, психологические и социальные аспекты диалога. Современные логические средства анализа диалога.

Тема 6: Спор как форма диалога: виды спора, стратегия и тактика спора.

Традиционный подход к спору как доказательству. Разновидности спора и проблема классификации спора. Спор единичный и множественный. Корректные и некорректные споры. Работа С. И. Поварнина «Спор» и ее основные идеи. Споры по цели ведения: для истины, для убеждения, для победы, спор как спорт.

Спор как особый вид доказательного рассуждения. Дискуссия и полемика, эклектика и софистика. Идеальная модель рациональной критической дискуссии и аргументативная практика. Значение определения терминов в рациональной дискуссии. Структура критической дискуссии. Консенсус как исходное условие и основа всякой дискуссии. Барьеры в критических дискуссиях. Дискуссии в науке и их значение. Полемика. Полемическая ситуация и ее виды. Познавательная полемика и ее правила. Деловая полемика и правила переговорного процесса. Софистический спор. Особенность споров для убеждения. Нормы, правила и принципы спора. Общие требования к спору. Стратегия и тактика спора.

Тема 7. Вопросно-ответный комплекс и его место в теории аргументации.

Вопросы и проблемы. Вопрос-ответ как ядро диалога. Понятие вопроса и его логическая структура (предмет, проблематическая часть, асерторическая часть, предпосылки). И. Кант о метафизических и педагогических вопросах. Х.-Г. Гадамер о природе вопроса. Виды вопросов: общие, частные, альтернативные, закрытые, открытые. Корректные и некорректные вопросы. Простые и сложные вопросы. Отношения между вопросами. Наводящие вопросы. Ответ. Виды ответов. Релевантность вопросов и ответов. Манипулятивные приемы.

«Логика вопросов и ответов» Р. Дж. Коллигвуда. Интеррогативная концепция диалога (Я.Хинтика и Д.Бачман). Искусство задавать вопросы. Прагматическая характеристика вопросно-ответных ситуаций. Техники вопросов в аргументации.

Тема 8. Правила и ошибки в процессе аргументации.

Некорректные доказательства. Эффекты, уловки, ошибки, манипуляции. Классификация ошибок, встречающихся в аргументации. Парадокси и софизмы. Парадоксы. Систематизация ошибок и уловок в работе А. Шопенгауэра «Эристическая диалектика».

Виды уловок в споре: логические, социально-психологические, организационно-процедурные. Логические ошибки и уловки по отношению к тезису: неопределенность тезиса, подмена тезиса, потеря тезиса. Логические уловки и ошибки по отношению к аргументам: аргументы и

уловки ad hominem. Аргумент к авторитету, аргумент к силе. К жалости, к незнанию и др. Ошибки и уловки в демонстрации: порочный круг, поспешное обобщение, от сказанного с условием к сказанному безусловно, предвосхищение основания и др.

Психология спора. Допустимые и недопустимые психологические уловки. Уловки социально-психологического характера: «бремя доказательства», «слабое звено», «двойная бухгалтерия», «многозначительная недосказанность», «приманка», «принижение». «самовосхваление», «к здравому смыслу», «к выгоде», «к верности», «досказывание», «ярлык», «а завтра...», «демагогия», «философия», «трескотня», «симуляция непонимания» и др. Организационно-процедурные уловки. Способы морального давления на оппонентов и слушателей. Роль нравственной позиции в процессе аргументации.

Тема 9: Языковой аспект аргументативного дискурса.

Язык как инструмент социального управления. Естественный язык и искусственные языки. Особенности языка повседневного общения, затрудняющие процесс аргументации (аморфность, невыявленность логической формы, неявные конвенции, отсутствие четких критериев осмысленности, неустойчивость значения слов, употребление неточных и неясных понятий и др.). Диалогическая природа речевого акта. Речевой акт и его структура. Теория речевых актов Дж.Серля. Признаки и правила аргументативного речевого акта. Вербальный и невербальный контекст. Контекстуальная интерпретация аргументативного речевого акта. Правило максимальной релевантности интерпретации косвенных речевых актов. Правила эффективного речевого общения.

Причины нарушений, связанные с употреблением имен и понятий. Собирательные и несобирательные смыслы имен и возможные подмены. Ловушки языка. Многозначность: полисемия, омонимия. Ситуативные слова. Гипостазирование как объективация имен в повседневных рассуждениях и научных теориях. Формальное и материальное употребление имен. Художественные тропы: гипербола, метафора, ирония, аллегория, метонимия.

Тема 10: Точка зрения: выдвигание и анализ.

Сомнение как конституирующее условие аргументативного дискурса. Сомнение и точка зрения. Сомнение явное и неявное (имплицитный спор). Противоположные и противоречащие точки зрения. Изменение точки зрения как цель аргументации. Основные структурные компоненты точки зрения: ценности, верования, убеждения, мнения. Ценности как базис точки зрения. Нравственные качества оратора и их роль в аргументативном дискурсе. Нравственные нормы как аргументы.

Требования к выдвиганию точки зрения: ясность, краткость, обоснованность, оригинальность. Техники анализа и оценки аргументации. Поиск логических и прагматических противоречий.

Правила и ошибки, связанные с выдвиганием и защитой точки зрения. Логический минимум и прагматический оптимум в экспликации невыраженных посылок и точек зрения. Ограничения на право высказывать точку зрения. Ошибки и приемы искажения точки зрения. Цитирование как способ искажения точки зрения оппонента. Полная и частичная подмена точки зрения.

Тема 11: Составление аргументативного текста.

Понятие «текст». Виды текстов: устный и письменный. Характеристики текста. Тексты — констатации (описание и повествование). Использование средств оценки и правил аргументативного дискурса при написании текста. Формулирование точки зрения. Разработка аргументов. Анализ и оценка приемлемости выдвигаемых аргументов (свидетельства, общественное мнение, фактологические суждения, научные истины, законы логики и пр.)

Особенности создания научного текста. Основные структурные компоненты научного текста: введение, основной текст, заключение). Требования к научному тексту. Чрезмерное влияние предшествующей исследовательской работы на изложение материала. Компиляция и плагиат. Требования к аннотациям, рефератам, обзорам и рецензиям. Особенности написания курсовых и дипломных работ. Историческая традиция ссылок на авторитет и современные правила цитирования.

Введение в учебные планы такой дисциплины как «Теория и практика аргументации» в процессе модернизации вузовского образования играет особую роль. Ее изучение в сочетании с обязательным выполнением практических заданий, что имеет принципиальное значение при изучении данной дисциплины, способствует формированию у студентов необходимой им коммуникативной компетентности, как профессиональной, так и повседневной.

МАССОВАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА КАК ДИЗАЙН **(к изучению феноменов массовой культуры в вузе)**

В вузовских курсах гуманитарного профиля, таких, как литературоведение, культурология, социология и др., все чаще фигурируют материалы, связанные с массовой беллетристикой. В самом деле, не заметить ее нельзя. Массовая беллетристика, составляющая в XX веке основной объем литературной продукции, развивается в рамках системы специфических для нее жанров: детектив, шпионский роман, фэнтези, приключения, триллер, женский роман и др. При этом жанровые границы становятся жесткими, жанровые модификации дробными: не роман, а «женский роман», «полицейский роман» и т. д. Массовая беллетристика имеет особые формы функционирования: бестселлер (наиболее продаваемая литература), дайджест («выжимка», краткое изложение произведения, в том числе и классики), комикс (перевод текста в серию картинок), покет-бук (карманное издание, которое удобно читать в транспорте) и др. Здесь коммерческий принцип проявляется в наиболее откровенной форме. Характерная черта литературы «массового спроса» — связь со средствами массовой информации и компьютеризацией общества, с рекламой.

Парадокс оценки массовой беллетристики заключается в следующем. Массовая беллетристика в своей совокупности оценивается литературоведами, культурологами, шире — общественным мнением крайне низко. Обычно при этом от нее отделяется своего рода классика (А. Дюма, А. Конан-Дойл, А. Кристи, Ж. Сименон, М. Митчелл, Дж. Р. Р. Толкиен и др.), и тогда оставшаяся часть оценивается еще ниже. Сами авторы обычно невысоко ценят свое слово, превращая работу над произведениями в подобие комбината, нередко скрывая свое имя за различными псевдонимами. Так, в США синдикат Ника Картера (Дж. Р. Кориелл, Т. К. Харбоу, Ф. В. Р. Дей) с 1889 по 1915 г. выпустил в свет более 1260 историй отдельными выпусками. Кэтлин Линдсей (1903–1973) из Южной Африки опубликовала 904 романа под фамилиями двух своих мужей и восемью псевдонимами. Бабоорао Алнаркар (р. 1907) из Индии опубликовал свыше 1000 детективных романов. Английский новеллист Джон Кризи (1908–1973) опубликовал 564 книги под своим именем и 25 псевдонимами.

В то же время эту литературу читают миллионы людей, она пользуется самым высоким спросом. 88 произведений Агаты Кристи (1890–

1976) еще при ее жизни и за последующее десятилетие были переведены на 103 языка и проданы тиражом в полмиллиарда экземпляров. Вплотную приближаются к ней Барбара Картленд (автор 450 произведений), Эрл Стенли Гарднер и некоторые другие авторы. Читатели становятся настоящими «фанатами» этой литературы. На Бейкер-стрит, в дом, куда Конан Дойл поселил Шерлока Холмса, до сих пор со всего света идут письма, даже с просьбой о проведении частного расследования. В 1975 г. Колорадский университет присвоил Шерлоку Холмсу звание почетного доктора. Жюлю Мегрэ, герою детективных романов Ж. Сименона, в 1966 г. поставлен памятник в Делфзее (Нидерланды). Получили массовое распространения организации толкинистов. Невероятных масштабов достигло увлечение детской аудитории Гарри Поттером (первый роман — «Гарри Поттер и философский камень» — вышел в 1997 г.). Автор романов об одиннадцатилетнем мальчике-волшебнике скромная английская учительница Джоан Кэтлин Ролинг (р. 1965) в настоящее время — одна из богатейших женщин Земли (ее гонорары еще до выхода пятой книги о Гарри Поттере превысили полмиллиарда долларов).

Среди поклонников детективов можно назвать множество представителей политической и интеллектуальной элиты мира. Это президенты США А. Линкольн, Т. Вильсон, Ф. Рузвельт, английская королева Елизавета II (которая возвела Агату Кристи в рыцарское достоинство, читает все романы Дика Френсиса). Это такие интеллектуалы, как лауреаты Нобелевской премии английский поэт Т. С. Элиот, ирландский поэт У. Б. Йитс, французский писатель А. Жид. По свидетельствам близких, крупнейший немецкий драматург Бертольт Брехт в последние месяцы жизни, борясь с сильными болями, прочитал гору детективов.

И это не единичные факты. Неожиданные данные опубликовал американский Институт Гэллага в 1986 г.: в США 60% мужчин и 64% женщин регулярно читают детективную литературу, а среди людей с высшим образованием (а ведь именно эта аудитория определяет негативную оценку массовой беллетристики) число любителей жанра процент значительно выше — 74%.

Отмеченный парадокс научно разрешим только в рамках культурологического осмысления массовой беллетристики. До сих пор она рассматривается как часть литературы, которая, в свою очередь, определяется как часть духовной и художественной культуры человечества. Предъявляя массовой беллетристике требования «духовности» и «художественности», мы неизбежно придем к низкой оценке этого рода литературной продукции. Между тем, массовую беллетристику следует рассматривать как часть современной обыденной культуры (применительно

к западной цивилизации примерно совпадающей с тем, что принято называть «массовой культурой», но без вкладываемого в это понятие негативного или апологетического оттенка) и искать в ней воплощение черт именно этой культуры. Дифференцируя культурологические понятия, следует отметить, что если сферой обыденной культуры является быт и постоянная профессиональная деятельность, отражение реального мира в обыденном сознании, то «массовая культура» касается более широких сфер, выходящих за рамки, очерченные обыденной культурой, но воспринимаемых через стереотипы массового сознания. Но это, тем не менее, родственные сферы культурной жизнедеятельности человека.

Массовая культура, как и обыденная культура, выросла из народной культуры и, вероятно, связана с этими корнями наиболее основательно. Она также в своей установке общедоступна и общепонятна. Правда, есть и принципиальное отличие: она, в отличие от народной культуры, (1) имеет тенденцию к космополитичности и (2) сосредоточена на обслуживании нижних ступеней «пирамиды тезауруса»³⁹, а не всех ее ступеней, как народная культура.

Если самая нижняя ступень (выживание) касается всех (и домохозяйки, и академика), всегда и в первую очередь, как и вторая (в которую следует включить и вопросы обеспеченности семьи, т. е. имущество и деньги), то самая верхняя ступень (вера, сверхсознание) носит первоочередной характер для очень немногих.

Обыденная культура сосредоточена на трех нижних ступенях тезауруса, немного затрагивает четвертую и лишь в самой незначительной степени верхние три ступени. При этом если гуманитарная, художественная культура устремлена на постижение всей сложности бытия, то массовая культура, касаясь даже самых сложных проблем (диалектики чувств, способов высказывания, постижения законов Вселенной, веры) идет по пути упрощения (сведения к мифам, привычным стереотипам, готовым формулам), так как решает вопросы не познания, а повседневной ориентации в действительности. Это ни «хорошо», ни «плохо», а составляет специфику массовой культуры, ее функцию в системе культур.

Являясь частью массовой культуры, массовая беллетристика выполняет в ней функцию, сопоставимую с функцией фольклора (устного народного творчества) в народной культуре. Как и в фольклоре, в ней затушевано авторское начало, произведение подчинено требованиям

³⁹ Понятие тезауруса, характеристика пирамиды тезауруса и тезаурусный подход в гуманитарных науках освещены в кн.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008.

жанра, на уровне содержания решающую роль играют мифы, на уровне формы — импровизация по готовым клише («формульность»).

На первом месте по значимости и популярности стоит детективный жанр. Повествуя, как правило, об убийстве и его расследовании, он касается общезначимой для всех людей нижней ступени «пирамиды тезауруса», касающейся жизни и смерти, страха, выживания. К детективу в этом отношении примыкают хоррор (литература ужасов), шпионский роман и т. д.

Огромное место в массовой беллетристике занимает эротический роман и — шире — эротическая проблематика вообще. Не менее значима тема семьи, детей (законных и незаконных, брошенных, найденных). Она сплетается с темой богатства, денег, наследства. Все это находит живейший отклик у читателей, так как связано с практически столь же общезначимой, как первая, второй ступенью «пирамиды тезауруса».

Тема успеха, продвижения к власти, признанию соответствует третьей ступени «пирамиды тезауруса». Самое страшное слово для героев — «неудачник».

Своего рода вершиной в этом движении вверх оказывается женский «любовный роман», сосредоточенный на проблемах четвертой ступени (сферы чувств), однако сохраняющий общее для обыденной культуры стремление к стереотипам и, кроме того, постоянно соскальзывающий к нижним ступеням (власть, деньги, секс, страх, смерть).

Названные темы составляют материал и классической литературы. Но ее функции иные, и поэтому одно и то же событие (например, убийство) будет по-разному представлено. Так, многие считают, что «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского — это своего рода детектив. Но Достоевского интересует не убийство, а нравственное самонаказание Раскольникова. С этой точки зрения, нельзя отнести к массовой беллетристике и «Убийство на улице Морг» Э. А. По, новеллу, которая считается первым образцом детективной литературы. В основе этого произведения — тайна, но не убийства, а сверхспособностей Огюста Дюпона, его раскрывшего. Точно также на грани между литературой и массовой беллетристикой стоят произведения Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и Честертон о патере Брауне, так как основное внимание в них обращено на логику и интуицию детективов, а не на интригу, связанную с фактом убийства. Напротив, в массовой беллетристике основной интерес держится на расследовании. Не случайно в английском языке появилось новое слово, выражающее суть детектива: «Whodunit» — сжатое до предела выражение из четырех слов: «Who has done it?» — «Кто это сделал?» (т. е. «Кто убил?»).

Существенным для понимания массовой беллетристики как части обыденной культуры становится наблюдение над формой ее презентации. Формат издания соответствует быту: одежде («rocket-book», дешевые карманные издания, предназначенные для чтения в дороге и выбрасываемые в урну по прочтении), дизайну интерьера (формат, вмещающийся на типовую полку, в роскошном переплете с суперобложкой, вписывающейся в дизайн с дорогими обоями, эксклюзивной мебелью). Даже у самых дешевых изданий яркая обложка, как правило, серийная (именно она привлекает внимание читателя, идущего вдоль прилавков магазина или по улице мимо киосков), в книгу включена реклама и сама она становится объектом рекламы.

Итак, в массовой беллетристике читатель (а не действительность и не автор) оказывается в центре внимания, нижние ступени читательского тезауруса, его повседневные, сиюминутные потребности определяют как содержание, так и стиль произведений. Сыграв свою роль по удовлетворению обыденных потребностей, эти книги выбрасываются, подобно другим предметам быта, а главное — тут же забываются, не оказывая глубокого воздействия на духовный мир человека, но и не претендуя на это воздействие. Однако если это верно применительно к отдельной книге, вся в целом массовая беллетристика формирует и удерживает в сознании человека, общества обыденную картину мира.

В настоящее время в гуманитарных науках разрабатывается новое осмысление понятия «дизайн»⁴⁰. Культурологическая интерпретация дизайна строится на его отнесении к особой разновидности культуры — к обыденной культуре, перерастающей в компьютерно-телевизионную эру в культуру повседневности⁴¹. Это положение — своего рода ключ к пониманию природы, структуры, характерных особенностей, форм дизайна и его новейшей разновидности — компьютерного дизайна. При таком его понимании подчеркивается, что дизайн имеет установку не на авторское самовыражение или следование неким «объективным» эстетическим законам, а на те законы, которые устанавливает публика, законы, диктуемые потребителями обыденной культуры, следовательно, их уровнем развитости вкуса, характером ожиданий и предпочтений, их амбициями, степенью их внушаемости и т. д.

Дизайн — это профессиональное моделирование, позиционирование внешней стороны (облика, звучания и т. д.) реальных и виртуальных

⁴⁰ См., напр.: Луков Вл. А., Останин А. А. Дизайн: культурологическая интерпретация. М., 2005.

⁴¹ Этот процесс описан в работе: Луков М. В. Телевидение: конструирование культуры повседневности: Дис... кандидата философских наук. М., 2006.

объектов и субъектов обыденной (для современности — шире — повседневной) культуры, создание (в настоящее время нередко с помощью компьютера) модного силуэта с целью повышения успеха презентации феноменов этой культуры без прямой связи с их функцией, содержанием и семиотическим значением, но в связи с интересами, вкусами, стереотипами реципиента дизайна, на учете которых строится его эстетическое и социальное воздействие. Из этого определения вытекает явная соотносительность массовой беллетристики с дизайном. Иначе говоря, массовая беллетристика относится не собственно к искусству, а к дизайну, следовательно, оценивать массовую беллетристику нужно не по законам искусства, а по законам хотя и близкой, но все же иной сферы культурной деятельности — дизайна. Именно на этом пути можно будет разрешить парадокс развития массовой беллетристики.

Нам представляется, что в этом ракурсе массовая беллетристика может быть представлена в вузовских курсах гуманитарных дисциплин.

Б. К. Новосадов

ГУМАНИТАРНАЯ МИССИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Естествознание революционизировало современный мир не только в экономической, но и в общественной и политической жизни народов. Впечатляющие достижения науки о природе нашли применение во всех сферах человеческих интересов: в промышленности, сельском хозяйстве, в медицине, в культуре, в образовании. Появление термина «политтехнологии» также свидетельствует о формализации и технологизации рассуждений, принятых в естественных и прикладных науках. Однако думы и чаяния человека, исследуемые гуманитарной наукой, не поддаются ни голливудской, ни мосфильмовской технологизации; рассуждения о смысле бытия остаются актуальными и в усовершенствованных интерьерах, в которых человек проводит свою жизнь. Страхи и опасения за свою жизнь и жизнь близких людей не уменьшаются с внедрением технических удобств жизни. Тревога, исходящая от знания, порой подавляет человека сокрушающей силой возможностей влиять на окружающую среду. Этика социальных взаимоотношений преобразуется под действием новых знаний о природе, под влиянием развитых информационных технологий и многократного ускорения обработки информации, добываемой с несравненной продуктивностью.

Высшее образование в мире становится столь же необходимым, как профессиональная подготовка рабочих полвека назад. Оно как бы переходит в разряд профессионально-технического образования населения, поскольку многие методы высшей школы естественнонаучного направления целесообразно вошли в учебные планы профтехучилищ, называемых ныне лицеями, колледжами и т. п. Изменилась градация сложности преподаваемых предметов подрастающему поколению. В школьные программы вошли элементы программ высшего образования, такие как начала высшей математики, экономики, химической технологии и пр. Гуманитарии вынуждены изучать общенаучные разделы физики, химии, биологии, экономики, математики. Таким образом, естественные науки непосредственно оказывают влияние на методологию исследований в области наук о человеке, о взаимоотношениях людей, об общественном поведении человека, о факторах развития общества и вообще исследований по взаимодействию групп людей и влиянию отдельных представителей человеческого общества на поведение людских масс. Многие закономерности психологии могут быть выведены из закономерностей естественнонаучных дисциплин. Вводя формальные признаки притяжения и отталкивания индивидуумов и групп людей между собой, можно моделировать общественные проявления системы многих индивидуумов в полной аналогии со статистическим анализом системы многих частиц в физике, причем совсем не обязательно предполагать взаимодействие индивидуумов. Законы идеального газа и понятие температуры системы, состоящей из большого числа людей, удивительным образом приложимы и к общественным движениям. В этом заключается как единство природы, так и смысл изучения методологии естественных наук людьми, обобщающими опыт развития человеческой системы. Законы природы одинаково проявляются во всех средах: от микро- до макро-масштаба вплоть до объектов Вселенной. Процессы ассоциации частей и диссоциации целого на части имеют общий характер и, вероятно, могут быть поняты с помощью одинаковых формальных моделей. Ключевым словом здесь может быть «взаимодействие». В конце концов поведение человека связано с внутриклеточными биохимическими процессами. Законы подобия в гидродинамике могут быть использованы для моделирования поведения социума. Незнание естественнонаучных законов не освобождает исследователей или законодателей от ответственности за их нарушение, приводящее к драматическим последствиям для жизни людей в обществе.

Значение и непреходящая ценность законов естествознания заключается в том, что они установлены и проверены опытным путем, а не

в порядке умозрительного процесса, зачастую характерного для гуманитарных исследований. В то же время следует иметь в виду, что натурные эксперименты в гуманитарной области, не опирающиеся на твердо установленные и повторяющиеся закономерности, могут приводить к трагическим результатам, поскольку касаются жизни людей. Опытный характер получения знания в естественных науках гарантирует безопасные для человека технологии, в то время как в гуманитарной области «техника безопасности» не является принятой нормой деятельности в условиях эксперимента, экономического, например, что приводит к психогенным реакциям, к войнам между общественными группами и государствами. Борьба за прибыль капитала любым путем есть процесс хаотизации взаимодействия групп людей, и задача гуманитарного сектора науки об обществе и его развитии состоит в том, чтобы упорядочить наши опытные знания об обществе с целью внедрения в сознание руководителей государств и сообществ принцип гуманитарного управления с позиций науки, а не выходящих за рамки осмысленных фактов действий, ничего кроме хаоса не сулящих жизни людей. Примером тому могут служить кризисы — свидетельства экспериментирования в области промышленной и финансовой деятельности человечества. Маркс был прав, призывая к научному осмыслению экономической деятельности государств, однако ход истории XX века показал, что односторонние эксперименты без гибкого регулирования потоков человеческих интересов приводят к кризисным ситуациям в жизни человечества, к волюнтаризму правящих кругов и губительным последствиям для народов. Войны, в том числе и холодные, экономические, финансовые являются свидетельствами ненаучного анализа событий и проявлениями животных инстинктов владельцев капитала.

Война как бифуркация политико-экономического порядка в сложно организованной системе отношений есть проявление эгоизма правящих кругов, подстрекаемых ложно понятой концепцией прибыли. Не исключено, что военные амбиции происходят из образовательной доктрины государств, когда студентам внушается идеал превосходства над слабым. В этом смысле система высшего образования нуждается в большей социализации, в обучении стремления творить благо, а не разрушать другие культуры, настоятельно демонстрирующие свою самобытность. Здесь как раз именно гуманитарные отрасли знания могут направить достижения естественнонаучных отраслей к целям сохранения жизни на планете, объясняя приоритет духовной составляющей человеческого бытия над ограниченно-материальной фазой жизни. Великая мировая литература неоднократно ставила данную проблему и интуи-

тивно показывала путь решения трудной задачи миролюбивого взаимодействия людей и их сообществ. Разрушение устроенной жизни всегда есть сиюминутная прихоть властителей, которым вручены полномочия целых народов. Это также закономерность общественного развития, проявляющаяся при ослабленном контроле руководимых над действиями руководителей. Удивительно, но хаос поражает общество незаметно, едва проявляющиеся симптомы разрушительной тенденции сперва воспринимаются как неудачи рыночной экономики, неуправляемыми воздействиями якобы случайных факторов в финансовой сфере, неизбежными конфликтами в различных районах земного шара, как вдруг в несколько месяцев образуется мощный клубок кризиса, подобного нынешнему мировому экономическому кризису, приводящий к разрушительным неэкономическим действиям государств. Как будто нет и не было науки управления, кибернетики, а лучше сказать политической кибернетики, когда границы устойчивости экономического мира известны и стоит повсеместными мерами корректировать состояние всей экономической системы. В такое время люди как будто забывают, что существует наука, которой необходимо пользоваться для управления, а не действовать хаотически, бессистемно. Но для этого нужна коллективная воля согласования действий. Нужно осознание того, что в современном мире разрозненные действия групп людей приводят к хаосу. Естественные науки дают метод безошибочного действия, а гуманитарные науки играют организующую роль, оказывающую влияние на сознание не только отдельных людей, но и сообществ и государств.

Можно задаться вопросом, каким образом зарождается хаос во взаимодействии сообществ, как определить момент корректирующего регулирования нестабильного хода общественных процессов. Не лежит ли причина плохой регулируемости политико-экономического комплекса в системе образования поколений? Какова роль среднего образования в этом процессе? Последнее является фундаментом к более специальному высшему образованию, которое помимо обучения профессиональным навыкам дает продвинутую системную подготовку специалистов будущего управленческого комплекса. Возможен ли хаос в образовании? Психологам полагается ответить на этот казался бы риторический вопрос. Можем ли мы с прогнозируемой определенностью утверждать, что вообще кризисы в общественных отношениях зарождаются в системе образования, как высшего, так и в первую очередь среднего. И не исключено, что ведущее положение здесь занимают именно гуманитарные дисциплины, слабо согласующие свои концепции с естественнонаучными выводами. На это обстоятельство указывал, например, доктор физи-

ко-математических наук, профессор Л. А. Грибов⁴². Тем не менее обнадеживающим обстоятельством в этой дискуссии может служить стремление представителей научно-образовательного сообщества учесть исторический опыт общественной жизни людей с точки зрения знания механизма неустойчивости социальной системы и возможности предсказания и устранения точек роста неустойчивости средствами продуманной системы высшего образования, использующего мощь диалектики и взаимодействия естественных и гуманитарных наук.

Л. Т. Соловьева

МАТЕРИАЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИЙ «НАРОДНОГО ИСЛАМА» В КУРСЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И АДЫГЕИ)

Для ислама, как и для всех мировых религий, характерно различие догматической религии духовенства и религиозно образованной части населения и религии «народной», хотя, естественно, непреодолимой преграды между ними не существует. Как представляется, в курсе религиоведения очень важно знакомить студентов не только с нормативными материалами, с религиозным каноном, но и с тем, в каком виде религиозные традиции представлены у того или иного народа. Конечно, не существует ислама «кабардинского», «балкарского», «чеченского» и т. д. Но в то же время в каждом этническом сообществе в течение веков формируется свой комплекс традиций, связанных с господствующей в данном сообществе религией.

Под «народным исламом», «бытовым исламом» мы понимаем те реальные формы, в которых ислам представлен и существует в повседневной жизни. Отметим также, что зачастую в народном представлении к мусульманской культуре причисляют все народные традиции, все нормы и установления, которые пришли из глубины веков и завещаны предками. Хотя некоторые них восходят к местным доисламским традициям, но в течение столетий они подвергались более или менее значительному влиянию ислама и не воспринимаются как нечто чужеродное.

В данном докладе будут представлены материалы, связанные с праздничной культурой и традициями соблюдения поста, т. е. та часть

⁴² См.: Грибов Л. А., Прокофьева Н. И. Основы физики. М., 1995; Грибов Л. А. Ума холодных наблюдений... М, 2002.

традиционно-бытовой культуры кабардинцев, балкарцев, адыгейцев, которая тесно связана с религиозной стороной жизни этих народов. В основе работы — полевые материалы, собранные в 1990–2000-е годы в Кабардино-Балкарии и Адыгее (ссылки на полевые материалы даваться не будут), а также данные Центрального государственного архива КБР.

Праздничная культура составляет важную и неотъемлемую часть традиций любого народа и включает праздники как религиозные, так и календарные, общегосударственные и т. д. В быт народов, живущих на постсоветском пространстве, прочно вошли традиции празднования Нового года, 8 марта, 9 мая и др. У тех народов, которые исповедуют ислам, важное место занимают главные религиозные праздники: курбан-байрам, ураза-байрам, мавлид, местные праздничные традиции.

Курбан-байрам — кабард., балк. «*курман*»; (араб. ид аль-адха, ид аль-кабир, праздник жертвенных животных — 10 число месяца зуль-хиджжа).

Этот праздник, несмотря на все принимавшиеся советскими властями меры, был и остается наиболее популярным и повсеместно соблюдаемым у кабардинцев, балкарцев, адыгейцев. Информанты старшего возраста вспоминали, как в 1930-е годы, когда, по их словам, «религию поломали», курбан-байрам праздновали тайно. Но и в послевоенные годы, когда к вопросам религии относились менее строго, тщательно следили за тем, как и кто участвует в этом празднике. Так, относительно сел. Малка в 1967 г. сообщалось, что в день Курбан-байрама общий намаз проводился в трех местах: на двух кладбищах и на берегу реки Малки, «женщины, дети и молодежь не участвовали. Сбор денег не производился. Коллективного угощения не было». Отмечалось также, что по случаю праздника было забито 37 голов крупного рогатого скота и более 400 овец и коз⁴³.

Перед Курбан-байрамом полагается несколько дней держать уразу (по различным данным, три или девять дней).

Считается, что все те, кто по своему материальному положению может позволить себе принести жертву (по некоторым сообщениям — тот, кому положено платить закят⁴⁴), должен это сделать. Практически

⁴³ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее — ЦГА КБР. Ф. 780. Оп. 2. Ед. хр. 35. Переписка с РИКаами республики по вопросам исполнения религиозных обрядов. Л. 13.

⁴⁴ Закят (сагит, сэджит). В последние годы в кабардинских и балкарских селах, а также среди части предпринимателей возобновляется традиция отдавать десятую часть дохода в пользу бедных (обычно — часть урожая: картофель, яблоки, зерно). Хозяин может сам отдать закят малоимущей семье, или отнести в мечеть, чтобы там распределили нуждающимся (в каждой мечети есть списки малоимущих семей).

большинство семей совершает этот ритуал, считая, что если не делать курман — это очень большой грех, надо, «чтобы кровь вылилась на землю». В качестве жертвы допускается баран (не моложе трех месяцев, или по другим данным, шести месяцев), козел (не моложе 1 года), верблюд (не моложе 5 лет) или трехлетний бык (как говорят, тот, «который видел три курмана», т. е. если он «видел два курмана», то на третий его можно резать). Как правило, барана режут на одну семью, а быка (и теоретически — верблюда) — вскладчину на 7 домов. В этом случае, когда делят мясо, один человек встает спиной и его спрашивают, кому какая доля курбана причитается — чтобы все было разделено по справедливости. По этому поводу говорят: нельзя, чтобы кто-то в этот день обиделся — тогда эта жертва не будет зачтена.

По народным представлениям, в качестве жертвы можно резать и голубя — так как он пьет воду, «как барашек или бык», т. е. подобно скоту, а не как курица. Тем не менее, например, у адыгейцев считается допустимым в качестве жертвы на этот праздник резать курицу или индюшку.

Резать жертву может и хозяин (любой мусульманин, знающий молитвы), но присутствие муллы (эфенди) при этом желательно. Тот, кто режет жертву, предварительно должен сделать ритуальное омовение, а «омовение» жертвенному животному делает мулла. Иногда кровью жертвы мажут лоб.

Жертву (курман) полагается резать на имя одного из совершеннолетних членов семьи (по словам информантов, на имя того, кто делает намаз и соблюдает уразу). Этот человек должен первым из семьи съесть кусочек от жареного сердца этого курмана, «тогда Аллах примет эту жертву».

Мясо жертвенного животного обязательно делится на три части: треть раздается неимущим (тем, кто не режет курман — дают примерно 1 кг мяса, чтобы можно было приготовить обед), треть — для угощения членов семьи, треть — для угощения гостей, которые посетят семью в праздничные дни.

Поскольку, по народным представлениям, по возможности *садака* (милостыню) следует давать наиболее обездоленным, многие отвозят мясо от курбана и лакумы в тюрьму заключенным, или в Дом престарелых (как говорят в КБР, в «Стардом»).

Вареным мясом обязательно угощают соседа справа и соседа слева, те в свою очередь тоже приносят угощение. В семью замужней дочери (даже если она живет в другом селе) несут ляжку от курмана, а также сладости, лимонад для старших в семье.

В праздничные дни все ходят поздравлять соседей, родственников с материнской и отцовской стороны, обязательным считается посетить старших в фамилии. Взаимные посещения начинаются после завершения утреннего праздничного намаза («хъид намаз», «курбан намаз»). К сельчанам приезжают родственники из города, в особенности — дети к родителям и т. д.

После утреннего намаза мужчины с эфенди идут на кладбище, молятся, делают там намаз. В некоторых селах в последние годы имамы говорят, что на кладбище нельзя делать намаз.

В многонациональных селениях и городах Кабардино-Балкарии (Залукокоаже, Куба-Таба, Нальчик и т. д.) в праздновании Курбан-байрама принимают некоторое участие и немусульмане (русские, греки, грузины и т. д.). Как говорили информанты из пос. Залукокоаже, «по религии курман раздают только мусульманам», но все же они относят мясо курмана и своим соседям-христианам, «потому что те очень долго живут здесь, уже по-кабардински говорят, уже свои». Некоторые информанты отмечали, что угощать иноверца мясом жертвенного животного можно, но ни в коем случае нельзя допустить, чтобы немусульманин дотрагивался до сырого мяса и участвовал в его приготовлении.

Соблюдение поста в месяц ураза. Месяц ураза (балк. *Ораза*, кабард. *НэщI мазэ*, т. е. «пустой месяц») в народном представлении считается посвященным памяти ушедших в мир иной родственников. Существует народное представление: то, что человек не съел во время поста, достается его покойным родственникам. Верующие, которые держат пост, должны соблюдать особую чистоту: идя в туалет, обязательно брать кумган, если на дороге наступил на что-то нечистое — сделать ритуальное омовение (андез), а потом снова держать уразу. Как считается, Аллах помогает выдержать пост. Вставая утром, верующий произносит: «Дай Бог силы с утра и до захода солнца выдержать».

В советское время власти упорно боролись с традицией соблюдения поста. Многие информанты вспоминали, что в 1930-е годы власти устраивали в клубах публичные представления: заставляли эфенди есть при односельчанах. Даже в 1960–1970-е годы в школах устраивали «профилактику»: кормили детей, давая им стакан молока или конфету и таким образом проверяя, держат ли они пост.

Но эта борьба не была особенно результативной. Так, в 1961 г. в «Справке о соблюдении обрядности по религиозным культам среди верующих КБ АССР» сообщалось, что в 1959 г. некоторые ученицы 8–10 классов в Заюково и Кызбуруне I соблюдали уразу; что очень много молодых девушек держит уразу и среди балкарского населения — это

объясняется не набожностью, но уважением или страхом «перед старшими, родителями». О селении Жемтала (к/з "Москва") сообщалось, что молодежь с молочно-товарной фермы № 4 — «все девушки и женщины во главе со знатной дояркой Хуж Сокуровой аккуратно постились весь месяц»⁴⁵.

Соблюдать уразу, как считается, мальчики и девочки должны лет с 12; девочки — с того времени, когда у них начинается менструация, но сейчас дети могут начать поститься и раньше, даже лет с 6–7. В таком случае, как считается, Аллах засчитывает это как благое дело родителям ребенка. Женщинам в период «ритуальной нечистоты» уразу соблюдать не полагается — ее прерывают, а затем возобновляют⁴⁶.

В течение этого месяца полагается читать особую молитву «тарауих»⁴⁷. Поэтому вечерний намаз, где читается эта молитва, именовали «турых-намаз».

Так, в 1967 г. чиновники Райисполкома относительно сел Терского района сообщали: «Старики по 8–12 чел. в селениях Верхний Курп, Хамидие, Верхний Акбаш, Плановское, Урожайное, Дейское собирались на квартирах на турых-намазы. Среднее, младшее поколение — уразу не соблюдало»⁴⁸.

Богоугодным делом считается принести угощение в мечеть на вечерний намаз, после которого верующие разговляются (балк. *иууз ачдыргъан* — «открыть рот постящемуся»). «Люди даже как бы соревнуются — кто это сделает», — отметил один из наших информантов. Обычно для этого режут барана, пекут лепешки — так, чтобы накормить всех, кто находится в мечети. Поскольку в последние годы на вечернем намазе бывает до ста и больше человек, некоторые имамы запрещают

⁴⁵ ЦГА КБР. Ф.780. Оп.1. Ед.хр.116. 1958 г. Л. 81.

⁴⁶ Женщина считается ритуально нечистым существом в период менструации, в это время ей не полагается делать намаз (потом она восполняет все пропущенные намазы), нельзя посещать кладбище, заходить в мечеть, нельзя месить тесто для лепешек-лакумов, предназначенных для поминания умерших, для раздачи в четверг вечером в качестве милостыни (садака). Запрещается также брать в руки Коран, но читать Коран, произносить молитвы можно. На период менструации женщина прерывает постуразу, а затем, очистившись, снова продолжает его соблюдать. Отпраздновав уразу-байрам, она «восполняет пост» — вновь держит уразу столько дней, сколько она пропустила.

⁴⁷ Араб. таравих — молитвы, совершаемые в ночи месяца рамадан (ураза), как правило, вскоре после вечерней молитвы (саят аль-иша) — последней обязательной молитвы для каждого мусульманина. См.: Ислам. Краткий справочник. М., 1983. С.104.

⁴⁸ ЦГА КБР. Ф. 780. Оп. 2. Ед. хр. 35. Переписка с РИКаами республики по вопросам исполнения религиозных обрядов. Л. 16.

приносить в мечеть угощение, так как выполнение этого обычая становится очень нелегким делом для одной семьи.

В течение месяца ураза полагается обязательно раздавать милостыню (садака), в память умерших родичей, что предпочтительно делается в четверг вечером (кабард. *марем пицыхъащхъэ*, балк. *байрым кюн*). Это время считается предназначенным для раздачи поминального угощения независимо от того, как давно умер член семьи. Чтобы покойному было хорошо (*нсана*), в четверг вечером дают молоко (или сметану) тем соседям, у которых нет коровы; можно давать яйца, лакомые конфеты, овощи и др. Как говорили информанты, молоко, предназначенное для садака, даже не заносят в дом.

Обязательным считается также отдать (от имени всей семьи) особую разновидность милостыни (фитр-садака) — *бытыр*, *битир*, *питир*. За каждого члена семьи (даже за ребенка, находящегося в утробе матери) полагается отдать определенное количество денег бедным, немощным, многодетным и т. п. Каждый год имам сообщает, чему равняется битир (обычно — это цена буханки хлеба, или цена 1–2 кг зерна). Обычай отдачи бытыра не исчезал из быта и в советские годы. Например, в 1954 г. относительно сел. Нижний Куркужин сообщалось, что «батыр» не собирают, но каждый соблюдавший пост дает бедным — за 5 чел. 16 кг кукурузы или 4 руб.⁴⁹

Бытыр, по словам информантов, можно отдавать уже начиная с 15-го числа месяца ураза. Тем не менее многие стараются сделать это как можно позднее, а то и накануне Ураза-байрама, поскольку считается, что после отдачи бытыра нельзя совершать никаких греховных поступков (гневаться, обманывать и т. п.) — в противном случае «ураза не будет принята Аллахом», не дойдет до Аллаха — «останется между небом и землей». Полагается, если не отдали бытыр ранее, идя на праздничный намаз, вынести его из дома, а по возвращении — отдать.

За тех членов семьи, кто не соблюдал уразу по неуважительным причинам, полагается давать бытыр в большем объеме — сумму бытыра умножают на число дней месяца ураза.

Бытыр можно отдать нуждающимся или принести в мечеть (там это распределяют по имеющимся спискам). В некоторых селах, когда там шло строительство мечети, в течение нескольких лет бытыр отдавали в мечеть.

⁴⁹ ЦГА КБР. Ф.780. Оп.1. Ед. хр. 79. Переписка с советом по делам религиозных культов. Л. 71.

Ураза-байрам (араб. ид аль-фитр, ид аль-сагир, праздник разговенья — 1–2 числа месяца шавваль). Праздник Ураза-байрам по кабардински называется *нэщIыкIыж хьидыщI*⁵⁰, хьид, по-адыгейски — *бирам*.

Этот праздник, так же как и курбан-байрам, никогда не уходил из быта кабардинцев и балкарцев. В 1960–1970-е годы за тем, как он проходил в каждом селе Кабардино-Балкарии, велось тщательное наблюдение.

Ураза-байрам продолжается три дня. В первый день в мечети проводится праздничный намаз, где бывает очень много молящихся. По завершении намаза у мечети раздают *садака* (милостыню) за своих умерших — обычно конфеты и другие сладости, поэтому дети в этот день стараются встать пораньше и бегут к мечети.

В некоторых селах сохраняется обыкновение посещать в этот день могилы предков, в этом случае садака раздают около кладбища. В день праздника принято поздравлять всех родственников, знакомых, в первую очередь старшего возраста. Тех, кто соблюдал пост, поздравляют, говоря «Пусть Аллах примет [уразу]!» (балк. «Аллах къабыл этсин!»), а тех, кто не постился, приветствуют словами «Чтобы дожили до следующей уразы!». В сел. Верхняя Балкария поздравляя державших пост, говорят: «Оразанг къабыл болсун» — «Чтобы не пропала твоя ураза». Считается, что все три дня в доме должен быть накрыт изобильный стол — «все, что есть в доме, должно быть на столе».

После трехдневного празднования уразы-байрама полагается (например, в сел. Верхняя Балкария) еще три дня поститься: это называется «проводы уразы» (суап ораза).

У адыгейцев на бирам обязательно идут поздравлять тех из квартала, кто держал уразу, и всех старших родственников, кто держал уразу. Поздравляя, им говорят: «Уинэки нэмаз къабыль тхамешI» («Дай бог чтобы пошло впрок тому, ради кого держал уразу») — так как считается, что те, кто постятся, делают это для своих покойников: По народным представлениям, то, что они не съедают, как бы достается покойным. Тем, кого поздравляют, несут небольшие подарки: мужчинам — одеколон, рубашку, платок, женщинам — мыло, платок и др. В этот день пекут *жъамэ* — круглые лепешки на подсолнечном масле (традиционное поминальное угощение) — и раздают их не меньше чем в три дома — по числу членов семьи. Если кто-то мимо проходит, когда несут эти лепешки, ему обязательно надо дать жъамэ: как говорят, грех, если человек по-

⁵⁰ ЦГА КБР. Ф. 780. Оп. 1. Д. 79. Л. 11.

смотрит, захочется ему лепешек, а он их не получит. В таком случае вся раздача жьамэ насмарку пойдет.

Ашура (первые 10 дней месяца мухаррама — лунный мусульманский новый год). В отличие от шиитов, для которых первые десять дней месяца мухаррам являются траурными днями, для суннитов — это праздник, начало лунного нового года. Обрядность кабардинцев и балкарцев, связанная с этим праздником, насыщена символикой плодородия и благополучного начала. Накануне праздника полагается держать пост — от одного до трех дней.

Повсеместно в эти дни (праздничными считаются три дня этого месяца) принято готовить особое блюдо из злаков (нечто вроде жидкой каши) обязательно из семи компонентов, хотя в отдельных селах эти компоненты могут быть несколько различными. Как говорят, варят «из всего, что на земле растет».

Так, в балкарском селении Верхняя Балкария это блюдо называется *ашра хантус* (букв. «каша ашуры») ⁵¹. Размолотую кукурузу, пшеницу, разную крупу варят в воде, добавляют кусочек мяса от «курмана» (ашура бывает через 40 дней после курбан-байрама, и специально оставляют кусочек мяса жертвенного животного — его высушивают или хранят в холодильнике). Когда крупа разваривается, добавляют молоко и сметану.

В кабардинском селении Шалушка «ашры» (кабард. «ЫшрыI», «ГэшрыI») варят из риса и толченой в ступке белой кукурузы, добавляют молоко, фасоль, сыр, сушеное мясо от «курмана»; готовое блюдо сверху поливают пережаренным красным перцем и луком.

Приготовленную кашу полагается обязательно раздавать по соседям, причем в разных селах существуют различные варианты раздачи: «на сколько домов хватит», «на семь домов», «на десять домов по одну сторону улицы и на десять домов по другую сторону улицы», «на всю улицу» (если улица небольшая) и т. д.

В некоторых близких к Нальчику пригородных селениях обычай отмечать ашуру приготовлением особого блюда уже выходит из обычновения. Так, в балкарском сел. Яникой пожилая женщина сказала, что в их переулке только она готовит кашу, «ашра геже» (на молоке из кукурузы, пшеницы, проса, кураги, гороха и с добавлением кусочка мяса от курмана) и раздает в 7 соседских домов. «Больше здесь нет старушек, а молодые этим не интересуются», — сказала она.

⁵¹ По словам нашего информанта, в других селах это блюдо имеет и другие названия. Так, чегемские балкарцы называют это блюдо ашра геже. Слово «хантус» употребляется и в других словосочетаниях, например, сут хантус — «молочная каша» и др.

По народным представлениям, «кашу ашуры» варят «для счастья», «для здоровья», для того, чтобы все шло благополучно. Почему полагаются готовить это блюдо, объясняют по-разному: в память о том, что пророк Муса спасся от фараона со своими соплеменниками, а пророк Нох (т. е. Ной) от потопа; в память о рассказанном в Коране (буря вынесла судно на берег, и у людей, которые спаслись, осталась лишь горсть зерен — из них сварили кашу и смогли накормить всех спасшихся людей). Некоторые из наших информантов не знали никаких подобных объяснений, но были твердо уверены, что это мусульманский обычай и эту кашу в указанное время обязательно следует готовить. Говорят: «Если эту кашу не сваришь — в семье добра не будет».

Поздравляя всех с этим праздником, говорят: «Живи до следующего года».

В Адыгее, у западных адыгов, традиция празднования ашуры также прочно сохраняется. Кашу «ашрай» (адыгейск. «ашуриI») варят здесь в большом котле (примерно на 10 л), из семи компонентов (дробленая и шелушенная кукуруза и пшеница, фасоль, вода, перец, соль, молоко, поджаренный лук). Сверху на готовую кашу кладут лакумы (жареные маленькие кусочки теста из пшеничной муки). Праздничным утром все купаются, нарядно одеваются. В ведрах или чашах кашу разносят по соседям (обычно близким) и родственникам (в некоторых селах — всем родственникам в селе, где бы те ни жили). В последние годы котлы вывозят на окраину аула и угощают всех проезжих. Даже живущие в Майкопе готовят это блюдо. Говорят, что это делают для того, «чтобы было изобилие во всем». Считается, что приготовленное блюдо следует раздавать в нечетное число домов — «так как Аллах един». По представлениям адыгейцев, хорошо, если попробуешь ашрай, приготовленный в семи домах.

В некоторых аулах Адыгеи сейчас ашрай готовят по кварталам (по джамагъатам), хотя ранее, лет 20 назад, делали это в каждом доме. Варят ашрай все вместе в большом котле, а потом раздают всем, разносят по всему кварталу. Делают это в каждом квартале, но в разное время; из разных кварталов ходят друг к другу в гости.

Мавлюд (араб. маулид ан-наби, аль-маулид — праздник «рождества пророка» Мухаммада, отмечаемый 12-го числа месяца раби аль-авваль).

Этот праздник считается довольно поздним нововведением в исламе, и не все мусульмане считают необходимым его отмечать. Тем не менее до недавнего времени у кабардинцев и балкарцев, как и у других мусульманских народов Северного Кавказа, этот праздник (мавлюд,

мавлид, мулид) признавался одним из самых распространенных религиозных ритуалов. С исполнением мавлюда было связано немало народных традиций, поверий и представлений.

Информанты отмечали, что мавлюд устраивают «для благополучия семьи». К этому дню готовят праздничное угощение, приглашают родственников и тех, кто умеет читать молитвы. По возможности приглашают и эфенди.

Нередко объединяются несколько дворов (например, десять) и по очереди устраивают мавлюд. Согласно народному убеждению, если человек один раз устроил в своем доме мавлюд — следует делать его в этом доме в течение семи лет подряд. Если даже человек умер — то его родственник должен это вместо него завершить. На мавлюд специально приглашают людей, но можно придти и без приглашения: считается, что это очень хорошо для семьи, которая делает мавлюд, так как все эти люди за нее молятся — читают Коран (определенные суры), *зачир* (специальные молитвы). На мавлюд ходят те, кто делает намаз. Приглашенных угощают традиционными блюдами: курица с подливой, мясо, паста, халуа (халва из пшена, сливочного масла и сахара), закарис (кусочки жареного теста, политые растопленным сахаром и медом).

В сел. Верхний Куркужин, по данным 2002 г., устраивался общесельский мавлюд. Видимо, это единственный такой случай в Кабардино-Балкарии. По словам сельского имама, по инициативе которого и стали отмечать это событие священной истории таким образом, это делается потому, что не каждой семье под силу устроить мавлюд у себя в доме: «Делают общий мулид, чтобы всем досталась благодать — *суап*». По всему селу собирают деньги на угощение, покупают двух баранов или мясо, делают зикр, дуа. Женщины участвуют только в приготовлении угощения. Мужчины делают зикр (зачир) на улице (женщины — только в доме). Считается, что лучше, когда исполнение мавлюда совпадает с одноименным месяцем — «это многократный салават».

В последние годы молодые (и, как правило, образованные) имамы нередко говорят своим прихожанам, что празднование мавлюда противоречит нормам истинного ислама, поскольку «Мухаммед и первые мусульмане это не исполняли». Как объяснял имам селения Яникой, к этой дате приурочена особая проповедь, и ее следует прочесть в мечети. Но не следует устраивать по этому случаю особый праздник: «Мы обязаны восхвалять пророка Мухаммеда всегда, со словами «Мир ему и восхваление Аллаха». Почитание его — выполнение того, что он рекомендует делать, а не устройство в честь него праздника». Так, в кабардинском селении Аргудан уже лет пять не празднуют мавлюд.

Мавлюд устраивают не только во время одноименного месяца, но также в любое другое время года, по случаю какого-то радостного события (новоселье, выздоровление тяжело больного, возвращение сына из армии, возвращение из тюрьмы и т. д.) или когда надо попросить помощи у Бога (отправление сына на службу в армию, болезнь, засуха, если кто-то попал в тюрьму и т. д.).

На годовщину смерти человека, а также если видят во сне умершего члена семьи — в доме также делают мавлюд.

НафIэцхъэджэд. 22 марта кабардинцы, причем не только сельские жители, но и горожане, отмечают *нафIэцхъэджэд*, как его по-иному называют, «старый новый год», «мусульманский новый год», когда «весна с зимой дерутся». В этот день полагается, прочитав молитву Аллаху, зарезать черную курицу (это делает обязательно мужчина, в головном уборе). Предварительно курицу могут обнести вокруг головы ребенка. У Аллаха просят, чтобы был хороший год, чтобы был богатый урожай, говорят: «Чтобы я в следующий раз это тоже увидел». Курицу готовят с традиционной подливой и относят джэдлибже с пастой соседу справа и соседу слева, а оставшееся едят дома.

Моления по случаю засухи и стихийных бедствий. Моление *тхъэльэIу* (кабард.), *курманлык* (балк.) устраивают, как бы выражая благодарность Богу в том случае, если поблизости случилось какое-то несчастье, миновавшее данное село (например, если по соседству случилось землетрясение, наводнение и т. п.). Обычно такие моления устраивают поквартально. В складчину покупают быка, или барана, или индюков, или кур, готовят угощение и молятся, чтобы несчастье миновало их село.

В июле 2002 г. во многих селениях Кабардино-Балкарии проходили *тхъэльэIу* по случаю июньского наводнения, которое причинило много бед и разрушений. Села, которые это наводнение не затронуло, устраивали поквартальные моления — «благодарили Бога, что их миновало это наводнение, просили, чтобы их не постигло впредь такое несчастье». Так, в одном из кварталов поселка Залукокоаже (там живет 40 человек) собрали по 50–100 руб., купили продукты (обязательно 20–30 кур, фрукты, овощи, конфеты, мороженое, пекли лакомые). Приходил эфенди, все молились. Женщины, участвовавшие в этом мероприятии, решили, что случившиеся несчастья посланы людям за их грехи, и решили отныне ходить по пятницам в мечеть, а также носить соответствующую нормам ислама одежду (мечеть открылась только в 2002 г., и туда ходило мало женщин, так как она находится на окраине поселка).

После завершения моления детям раздают «кульки» с угощением — это воспринимается как *садака*.

По словам информантов, обычно в подобных молениях участвуют женщины и дети, поэтому стараются приготовить побольше сладкого. Мужчины участвуют в этих мероприятиях в том случае, если режут быка или баранов.

У кабардинцев и балкарцев продолжают сохраняться старинные обряды вызывания дождя. У кабардинцев это *Ханцегуаше* (букв. Госпожа Лопата): обычно дети и пожилые женщины наряжают лопату в женское платье, носят ее по селу с пением особых песен, в которых просят Бога послать дождь. Их обливают водой и одаривают различным угощением. Иногда в этот же день устраивают и моление о дожде — *тхъэль-элу* — режут быка, раздают сырое мясо в виде садака, а также угощают вареным мясом всех пришедших на моление, в первую очередь детей. Как отмечали многие информанты, обычно вскоре после *тхъэль-элу* начинается дождь. У балкарцев аналогичный обряд называется «Керекбийче».

Представленные нами материалы, связанные с традиционной праздничной культурой адыгейцев, балкарцев и кабардинцев, показывают, что ислам, принятый этими северокавказскими народами несколько столетий назад, в течение этого времени смог органично войти в их повседневный быт и культуру, проникнуть практически во все сферы их жизни. Вместе с тем и народные формы бытования ислама, которые фиксируются этнографами, судя по всему, будут подвергаться дальнейшей трансформации. Несомненно, использование материалов по народному исламу в курсе религиоведения позволит сформировать у учащихся более адекватное представление об особенностях функционирования этой мировой религии и о том, как она взаимодействует с традиционно-бытовой культурой тех народов России, которые исповедуют ислам.

СОДЕРЖАНИЕ

II. ОСНОВНОЙ ДОКЛАД

<i>Луков Вл. А., Захаров Н. В., Гайдин Б. Н.</i> Новые информационные технологии и филологические науки: комплексный подход к высшему образованию.....	3
<i>Lukov Vl. A., Zakharov N. V., Gaydin B. N.</i> The New Information Technologies and Philological Sciences: the Complex Approach to the Higher Education (abstract).....	18

II. ДОКЛАДЫ И МАТЕРИАЛЫ ДОКЛАДОВ

<i>Аронин С. В.</i> Экспериментальное театральное образование в условиях синтетического театра.....	20
<i>Биченко С. Г.</i> Проект студенческой электронной энциклопедии: вики-энциклопедия «Филология».....	24
<i>Бондарев А. П.</i> Тема и проблема: теоретическое литературоведение и концепция лекционного курса.....	29
<i>Демченко А. И.</i> Уточняя хронологические границы эпохи Возрождения (проблема вузовских курсов).....	42
<i>Каландаров Т. С., Терехов В. П.</i> Геополитика и развитие научных знаний (интеграция науки и высшего образования на примере Памира в XIX столетии).....	54
<i>Крючкова С. Е.</i> Теория аргументации как сфера научных исследований и как учебная дисциплина.....	62
<i>Кузнецова Т. Ф., Луков Вл. А., Луков М. В.</i> Массовая беллетристика как дизайн (к изучению феноменов массовой культуры в вузе).....	77
<i>Новосадов Б. К.</i> Гуманитарная миссия естествознания.....	82
<i>Соловьева Л. Т.</i> Материалы по изучению традиций «народного ислама» в курсе религиоведения (на примере Кабардино-Балкарии и Адыгеи).....	86

Сведения об авторах:

Аронин Сергей Владимирович — аспирант кафедры культурологии МосГУ

Биченко Станислав Григорьевич — студент филологического факультета Московского педагогического государственного университета

Бондарев Александр Петрович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы Московского государственного лингвистического университета

Гайдин Борис Николаевич — старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, аспирант кафедры культурологии МосГУ

Демченко Александр Иванович — доктор искусствоведения, профессор Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова, Саратовского государственного университета и Саратовского государственного социально-экономического университета, действительный член (академик) Российской академии естествознания, заслуженный деятель искусств России, заслуженный деятель науки и образования, почетное звание «Основатель научной школы»

Захаров Николай Владимирович — заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор философии (PhD), кандидат филологических наук, академик МАН (IAS, Инсбрук)

Каландаров Тохир Сафарбекович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Памирского филиала Академии наук Республики Таджикистан.

Крючкова Светлана Евгеньевна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ)

Кузнецова Татьяна Федоровна — доктор философских наук, профессор, ведущая кафедрой культурологии Московского педагогического государственного университета, академик МАН (IAS, Инсбрук), МАНПО и АГН, член президиума Российского культурологического общества, председатель Научно-методического совета по культурологии Министерства образования и науки РФ

Луков Владимир Андреевич, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик МАН (IAS, Инсбрук), академик-секретарь МАНПО

Луков Михаил Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Гуманитарного института телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина

Новосадов Борис Константинович — доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник кафедры физической химии химического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Соловьева Любовь Тимофеевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

Терехов Виктор Петрович — научный редактор журнала «Этнографическое обозрение» РАН

Научное издание

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА

V международная научная конференция

МосГУ, 13–15 ноября 2008 г.

Доклады и материалы

Секция 6.

Высшее образование и мировая культура

Выпуск 1

Ответственные редакторы:

заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук,

профессор Вл. А. Луков,

доктор философии (PhD), кандидат филологических наук

Н. В. Захаров

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 6.11.2008 г. Формат 60X84 1/16

Усл. печ. л. 6,25

Тираж 100 Заказ №

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1